

Валерий МИХАЙЛОВ

МАСТЕРА

КНИГИ

@ЭЛИТА

18+

Валерий Михайлов

Мастера Книги

*Текст предоставлен правообладателем,
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8883445*

Аннотация

Виталий Сергеевич Звонцев получает в наследство от деда дар, как ему кажется, предвидеть те или иные события. Для этого ему достаточно написать рассказ на интересующую тему, героями которого были бы нужные люди. Именно этим он и зарабатывает себе на жизнь. Вот только дар его заключается совсем не в предсказывании чужой судьбы, да сам по себе является скорее проклятием, чем даром. В результате Виталию приходится спасать свою жизнь, пытаясь переиграть весьма и весьма могущественные силы.

Содержание

Глава первая	6
Новая Глава	33
Новая Глава	41
Новая Глава	64
Новая Глава	80
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Валерий Михайлов

Мастера книги

© ЭИ «@элита» 2013

* * *

Во второй книге я расскажу о ещё более поразительных вещах, касающихся способов, которыми я смогу точно и надёжным образом передать свою волю любому, кто постигнет смысл моей науки, как бы далеко он ни находился от меня, пусть даже за сто вёрст, и при этом никто не заподозрит, будто я пользовался какими-либо знаками, фигурами или буквами; а если я воспользуюсь услугами гонца, и этого гонца перехватят в пути, никакие мольбы, угрозы, посулы и даже пытки не принудят этого гонца открыть секрет, потому что он ничего о нём не будет знать; вот почему ни один человек не сумеет открыть тайну. И все эти вещи при желании я смогу с лёгкостью проделывать, не прибегая ни к чьей помощи и не посылая гонца; даже узнику, заточённому в глубоком подземелье и находящемуся под неусыпной охраной, я способен передать свою волю.

Аббат Гритемий

Прежде, чем перейти непосредственно к делу, я хочу из-

виниться перед возможным читателем за те ляпы, которые ему попадутся в тексте моего повествования. Дело в том, что у меня просто нет ни времени ни возможности редактировать написанное. По мере чтения, думаю, станет ясно, почему. Также мне пришлось изменить имена, пароли и явки, чтобы не пострадали по моей милости те, кто имеет к этому делу лишь косвенное отношение. Ну и, разумеется, память. Она у меня девичья, так что я вполне мог что-то напутать и незаметно. Короче говоря, прошу принять мои извинения.

А теперь перехожу к делу.

Глава первая

Несмотря на то, что практически всем в жизни обязан своему деду по матери, Георгию Кузьмичу, я совершенно его не помню. Нет, я помню его однокомнатную квартиру «за больницей», шкаф с редкими книгами, рабочий стол, всякие приспособления... Помню атмосферу волшебства, которая, как мне казалось в детстве, царила вокруг него, так что к деду я шел каждый раз, как в сказку. Но его самого не помню совершенно. Странно, неправда ли?

Написал абзац, перечитал и думаю, что хоть это и правда, но правда неправильная, обижающая моих родителей, правда. А родители у меня что надо. Относительно родителей мне можно только позавидовать, и единственное, в чем я могу их обвинить, так это в излишней ко мне любви. Родители сделали все, что могли, чтобы моя жизнь, начиная с рождения, получилась как можно более счастливой, и если им что-то не удалось, то только лишь потому, что они не всемогущи. Родители подарили мне беззаботное детство, дали образование, обеспечили всем необходимым, но дед... Именно дед помог мне узнать ту фантастическую грань реальности, о которой я и пытаюсь сейчас рассказать.

Георгий Кузьмич был хирургом, причем хирургом от бога. В свое время он окончил с отличием гимназию, чем в детстве я настолько сильно гордился, что даже не сопротивлял-

ся, когда он учил меня держать вилку и нож и вообще вести себя более или менее прилично в старорежимном понимании этого слова. Во время войны он был хирургом в полевом госпитале, затем до пенсии работал в нашей аксайской больнице, тогда еще, о чудо, она считалась одной из лучших в области.

Уйдя на пенсию, он неожиданно для всех занялся переплетом и реставрацией старинных книг, причем делал это так умело, словно всю жизнь только этим и занимался. На все вопросы о том, как ему это удастся, дед отвечал одной и той же отговоркой:

– Книги – такие же пациенты, только им не нужно давать наркоз.

Со временем все привыкли к его хобби, и даже тот факт, что к деду начали обращаться коллекционеры со всей страны, уже никого не удивлял. Другой бы на месте деда озолотился, но он работал, что называется, из любви к искусству, и все свободные деньги тратил на совершенствование своего профессионализма. Правда, небольшая коллекция старинных книг у него была.

Книги дед обожал до самозабвения. Причем его страсть была не страстью читателя или коллекционера, дед обожал книги, как пылкие любовники обожают своих возлюбленных.

Когда пришло время маме выходить на работу после декрета, родители хотели сдать меня в садик, но дед этого не

допустил.

– Нечего парню по лагерям детство калечить, – заявил он. – Я сам буду за ним присматривать.

Так дед стал моей нянькой, и миром моего детства стала его квартира и по совместительству рабочий кабинет. К тому времени он уже был известным на всю страну мастером реставрации книг, так что работы ему хватало. Он и меня приучил бережно обращаться с книгами, и моими игрушками стали настоящие рукописные раритеты, каждая страница которых была произведением искусства. Думаю, владельцы этих сокровищ поумирали бы от инфарктов, узнай они, что гордости их коллекций на время переквалифицировались в детские игрушки.

– Ты бы его лучше читать научил, – говорила деду мама, но он только отмахивался от нее.

– Читать его любой дурак научит, – отвечал он, – сейчас это не проблема. А вот говорить с книгой, понимать ее...

Разумеется, ни родители, ни тем более я тогда не понимали, что он имел в виду.

Несмотря на столь книжное воспитание, я совсем не был «ботаником» или маменькиным сынком. Как все нормальные дети я бегал по улице с рогаткой, играл в футбол, дрался, хулиганил... был таким же, как все. А еще я страшно матерился, но когда я посылал на три буквы взрослых, я всегда говорил им «вы», – так меня воспитал дед.

Он же и отучил меня материться. Дело было за несколько

месяцев до школы.

– Мне в школу скоро, – жаловался я деду, пересказывая опасения матери, – а там же материться нельзя. А что если я не смогу?

– Хочешь больше не материться? – спросил меня дед.

– Хочу, – ответил я.

– Никогда-никогда?

– Никогда-никогда.

– Хорошо, я знаю одно средство.

И дед рассказал мне по секрету, что мы должны закопать мои матюки в землю, но так, чтобы никто об этом не знал. А то вдруг кто выкопает?

Так мы и сделали. Наматерили с дедом полный кулек матюков, тщательно его завязали, затем зарыли на пустыре. И помогло. Я долго, до старших классов потом не матерился, но то ли кулек порвался, то ли его кто раскопал...

Дед умер скоропостижно, когда я пошел в первый класс. Инструменты деда родители продали. Коллекция ушла в девяностые – пришлось продать, чтобы «уладить проблемы». На папу наехали бритоголовые краснопиджачники, и чтобы их отшить, а заодно и наказать, понадобились хорошие деньги. Думали сначала продать и квартиру, но ее удалось отстоять.

И только спустя лет пятнадцать после смерти деда меня настигла его весточка. Я тогда взялся сделать ремонт в теперь уже моей квартире собственными силами и при замене

полов обнаружил тайник, где хранилась одна единственная книга. Сначала я решил, что она старинная, но позже понял, что это был труд моего деда. На мгновение я даже увидел в воображении, как дед пишет ее гусиным пером, на старой бумаге, макая перо в изготовленные по старинной технологии краски или чернила.

Текст в книге деда был только на первой странице, где он вывел каллиграфическим почерком: «Никогда не верь тем, кто благоговеет перед святынями – эти люди способны на всякую гадость». Остальные пятьсот с чем-то страниц состояли сплошь из орнаментов и узоров, скопированных дедом из тех книг, что он реставрировал.

Надо сказать, что я не перенял от деда страсть к старинным книгам. Для меня они так и остались красивыми безделушками, за которые одержимые ими люди отваливают огромные деньги, но книга деда меня буквально заморозила. С упорством параноика я изо дня в день перелистывал ее страницы, вглядываясь в орнаменты, и это рассматривание творений деда давало мне такой кайф, который я не мог получить ни от водки, ни от травы, ни от женщин. Наверно, только инстинкт самосохранения заставлял меня продолжать убивать ставшее столь драгоценным время, общаясь с друзьями и с женщинами, хотя женщины снимали сексуальное напряжение, позволяя тем самым еще глубже отдаваться созерцанию книги.

А в день моего тридцатилетия случилось То Самое.

Помню, гости тогда засиделись до двух. Вино, трава, закуски... все было на уровне. Всем было весело, всем было хорошо. Когда же гости ушли, я, словно наркоман за своей дозой, бросился к книге. Но стоило мне только дотронуться до нее, как меня пронзила острая боль. В одно мгновение тело перестало быть моим, и я рухнул на пол. Я умирал, и когда я умер, тело осталось лежать на полу, а я...

Я стоял на прибрежном песке. Сзади был океан, спереди – лес. На мне не было ни одежды, ни обуви, – там одежда была неуместной. Откуда-то я знал, что я был на острове, и что в лесу меня кто-то ждет. Да, чуть не забыл... была ночь, но это не мешало мне достаточно хорошо видеть. Скорее всего, пейзаж освещался луной, но саму луну я не помню.

Из леса вышел дед. Я сразу же его узнал, несмотря на то, что практически его не помнил. Я знал, что он умер, но меня совсем не удивило его появление, наоборот, оно показалось тогда мне более чем уместным.

Обрадовавшись, я захотел броситься деду на шею, задать ему кучу вопросов, сказать, как я его люблю, и как мне его не хватает, но дед, видя мое состояние, сделал какой-то (я его не уловил) жест рукой, и меня словно парализовало. Он не сказал ни слова, и, тем не менее, я понял, что в этом месте такое поведение невозможно, что я должен соблюдать протокол, а протокол требовал, чтобы я с достойным видом проследовал за дедом. Убедившись, что я это понял, дед повернулся и пошел в лес. Опасаясь за свои ноги, я пошел следом.

Боялся я зря – под ногами всю дорогу была мягкая, похожая на дорожкой ковер трава.

Дед привел меня на лесную поляну, посреди которой горел костер наверно в человеческий рост. Вокруг костра сидели люди. Все они, как и мы с дедом, были обнажены. При нашем появлении один из мужчин поднялся на ноги и сделал несколько шагов нам навстречу. Он буквально излучал силу, мудрость и власть.

– Подойди к ней, – приказал он мне.

Несмотря на неопределенность этой команды, я понял, что надо делать. Приблизившись к костру, я увидел нечто, купающееся в его пламени. Это была Книга с нечетным количеством страниц, столь же неопишуемая, как и невозможная в привычной реальности. Книга открылась, и я наполнился пониманием.

Проснулся я во второй половине дня. В постели, но одетым. Самочувствие было таким, словно мне сделали общий массаж монтировкой. Решив, что это похмелье, я полностью отдался на милость времени, но моя болезнь длилась больше недели. Все это время я находился в жутком, полубредовом-полудремотном состоянии. Я постоянно слышал какой-то шепот, словно мне шептали что-то в оба уха одновременно; вокруг сновали какие-то тени... Из постели я выбирался только в туалет и на кухню попить воды.

Наконец, наваждение кончилось, и я смог подняться с кровати. Я был настолько слаб, что меня швыряло по сто-

ронам, как пьяного. Еще через день я уже смог вернуться к книге деда. Каково же было мое удивление, когда я понял, что могу ее читать!!!

То, что я принимал за орнамент, было текстом... Нет, скорее даже не текстом, а проводником сознания в ту область, где было сокрыто знание. «Читая» книгу деда, я словно бы видел то, что он пытался мне рассказать, а то, что книга была написана для меня, не вызывало никаких сомнений.

Я видел, как умирающий боец открывал ему тайну, потому что он не мог, не имел права унести ее с собой, а больше никого из достойных рядом не было... Я видел, как дед в тайне от всех раз за разом убеждался в правильности слов умершего бойца, но каждый раз отказывался верить увиденному. Видел, как позже он по крупицам собирал древнее знание, а потом переписывал его в книгу. Я видел, как однажды он получил приглашение на остров, и как он встретился с Книгой с нечетным количеством страниц...

Когда же мне открылась история и география острова, а также истинное назначение Книги, я тоже долго не мог поверить увиденному. Да и как можно поверить в такое! И, тем не менее...

И, тем не менее, мы далеко не первые и далеко не последние среди тех, кто считал или будет считать эту планету своей. Сотни тысяч лет назад на Земле достигла расцвета цивилизация совершенно непохожих на нас существ. Их уровень развития значительно опережал наш, а наука достигла высот,

позволивших им не исчезнуть бесследно с лица Земли, когда случилась глобальная катастрофа. Вовремя обнаружив, что солнечная система входит в зону смертельного для них излучения, от которого нет никакого спасения, они смогли переместить свои сознания в Сеть или Лабиринт – информационный мир, немного похожий на нашу виртуальную реальность.

На границе реальностей они оставили своеобразный модем в виде Книги с нечетным количеством страниц, позволяющий сознанию тех, кто сумеет его найти, подключаться к Сети или Лабиринту.

Тысячелетия сменяли друг друга. На земле воцарялся новый биологический вид. Появились те, кто посвятил свои жизни изучению собственного сознания или магии. Со временем эти люди открыли, что те бездонные просторы, которые сейчас принято называть коллективным бессознательным, являются не частью нашего психического процесса, а некой реальностью, в которой, как в нашем обыденно мире существуют тела, обитают наши сознания. Изучая этот поистине бескрайний мир, они обнаружили, что за его пределами находится еще более удивительная область, название которой мой психический аппарат перевел как «межпиксельное пространство». На границе между коллективным бессознательным и межпиксельным пространством и находится Остров Книги. Причем именно Книга решает, кто может приблизиться к ней. Так Книга объединила вокруг себя группу

посвященных в ее тайны, которая получила название Тайный Круг Мастеров Книги.

Вот только Книга открывала каждому свое, наиболее близкое ему знание, и Мастерам Книги пришлось искать способ для тайного хранения и передачи знания Книги. Эта задача была не из легких как минимум по двум причинам: во-первых, сами знания были из тех, которые невозможно облечь в слова; во-вторых, ни один человек, не одобренный Книгой, не должен был иметь ни малейшего шанса добратся до ее тайн. И Мастера справились с этой поистине невероятной задачей. Они изобрели язык оформления книг, благодаря которому именно шрифт, расположение текста, украшающий книгу орнамент, а никак не содержащийся в книге текст имели истинное значение. При этом они не только смогли записывать все свои тайны, но и, создав армию переписчиков, копировать его без всякой угрозы утечки информации. В результате знание оказалось спрятанным у всех на виду.

К чтению же обычных книг я пристрастился благодаря усилиям матери. Она читала мне вслух по несколько часов в день, причем только то, что было мне интересно. Никакой до тошноты «полезной литературы», никаких «читай сам». Как я понимаю, лучшего способа выработать у ребенка стойкого отвращения к чтению, чем обязательное чтение полезных книг по сколько-то там страниц в день еще не придумали. В общем, благодаря матери я хоть и поздно взялся за кни-

гу сам, но очень быстро подсел на чтение. Кстати, моей первой книгой был томик Гомера из «Всемирки»: «Илиада» и «Одиссея», причем осилил я его с первой страницы до последней, включая список кораблей. Отдельное спасибо маме еще и за то, что она не принуждала меня читать рекомендуемую школьной программой литературу, в результате мимо меня прошла как вся та муть, которую «следует» изучать только потому, что кто-то из высокопоставленных умников решил, что это тоже зачем-то необходимо знать, так и действительно хорошие книги, которые стоит брать в руки в более зрелом возрасте. Для отметок вполне хватало читать предисловия, главное достоинство которых заключается в том, что они значительно короче самих книг. Так в отличие от моих менее везучих приятелей я не заработал на уроках литературы стойкое отвращение к классикам и серьезной литературе, как таковой.

Когда я учился на первом курсе института, аксайские друзья-музыканты ввели меня в ростовский рок-клуб. А там все или пели, или играли или писали тексты, или были мастерами звука и света, художниками и так далее. Я же не подходил ни под одну из этих категорий и чувствовал себя белой вороной. Чтобы себя «очернить» я начал писать стихи. Получалось у меня примерно следующее:

С тех пор, как он вышел из поезда,
Прошел, вероятно, час.

Он жил, превращая в золото
Все, что скрывало нас.

Ветер, беря подаяние,
Шептал за его спиной
Имя, которое носят в кармане
Вместо разбитых часов.

Город – любезный Иуда
Под звон золотых монет
Привел на ту самую улицу,
Которой в помине нет.

А те, кто строил дорогу,
Я знаю, их совесть чиста,
Хотя никто никогда не умел
Считать или думать до ста.

Здесь некого будет вспомнить.
Некому будет понять
Тебя. И никто здесь не скажет,
Какая из улиц твоя.

И ты, слегка утомленный,
Будешь искать свой вагон.
Вечно спешащий и вечно влюбленный
В ту, что не знает имен.

Пушкиным себя я, разумеется, не чувствовал, но своим в

рок-клубовской тусовке стал.

К написанию прозы я приступил на рубеже тысячелетий, уже будучи здоровым дураком. Рок-клуб, как и увлечение стихоплетством остались в графе «приятные воспоминания». Реальность же состояла из плохой работы, женщин, анаши и ощущения пустоты, которое я и попытался заполнить, взявшись за перо и чернила – писал я тогда настоящей перьевой ручкой, которую надо было макать в чернильницу. Из-под пера выходили рассказы вроде этого:

Дождь. Мелкий морозящий дождь...

Дождь. Мелкий морозящий дождь. Пахло травой, деревьями, небом. Утренним летним небом. Сергей знал, что небо не пахнет, даже в детстве небо не пахло никогда, как он ни пытался уловить его запах, но сейчас небо пахло, а еще пахло бензином и моторным маслом.

То, что еще несколько минут назад было совсем новенькой «Десяткой», валялось вверх колесами и было похоже на раздавленного жука, шевелящего в своей агонии лапками. Одно колесо все еще продолжало крутиться, напоминая собой пресловутый *perpetuum mobile*, рожденный в каком-нибудь сельском кружке Юный техник. Авария произошла совсем недавно, и попадающие на выхлопную трубу капли, с характерным шипением испарялись белым дымком.

И совсем без какого-либо перехода скучающие

милиционер с рулеткой и намокшей (Черт, не тянется!) сигаретой, и заспанные небритые санитары с носилками...

– Ты кричал во сне.

– Ничего, медвежонок, это просто сон...

Он прижался к ней, как терпящий кораблекрушение хватается за... Ох уж эти метафоры! Сергей обнимал ее заспанную, и поэтому капризно-пассивную, но она уже отвечала на поцелуи, а руки... Серый полумрак рассвета делал ее детское лицо еще больше похожим...

– Ой, извините!..

Он обдал ее, что называется с ног до головы, и она...

Потом, после душа (Сергей привез ее к себе в номер – надо же привести себя в порядок) в казенном халате, босиком, с чашкой кофе в руках...

– Ада.

– Странное имя.

– Моя мама была из этих... Дети цветов и рок-н-ролла.

Она улыбнулась, и на мгновение, буквально на одно мгновение, но Сергея больше не покидала мысль, что... Сколько же лет назад? Глупый разговор, пролитый кофе, и слова, после которых...

Прорыв во времени? Попытка № 2? Разве может эта девочка, лет на двадцать его моложе...

– Почему ты на меня так смотришь?

– Как?

– Странно как-то.

– Обман зрения. Уловки здешнего освещения, –

они сидели в небольшом уютном кафе, пили вино, разговаривали.

Совпадение? Чтобы так улыбаться, так держать бокал, так щурить глаза.

– О нет, я совершенно свободна. Родители? Они в командировке. Что-то там ищут, наверно нефть или кости мамонтов. Муж? Какие глупости...

Опять этот смех.

– Не надо свет, я хочу тебя видеть, – они были в номере.

Слишком много, чтобы... Это был ее жест. Она всегда так ставила ногу, когда хотела, чтобы Сергей снял с нее туфли. Он всегда снимал с нее туфли... Шнурки на ботинках не хотели развязываться, и ему пришлось слегка повозиться. Наконец, ботинки, джинсы, трусы...

– Перестань, щекотно, лучше иди сюда...

Опять этот смех, ее смех, ее руки, ее губы, ее объятия...

– Я на день, не больше.

– Возьми меня с собой.

Его бросило в дрожь. Он отчетливо увидел... Небритые санитары с носилками. Лицо закрыто простыней, и только рука, безжизненная рука и рукав ЕЕ куртки!

– Я только на день. Я позвоню... позвоню сразу же, как приеду.

Но откуда эта боль и тоска, это чувство потери, чувство неповторимого, безвозвратно...

Ее куртка! Она лежала на заднем сиденье, рядом с термосом и бутербродами, он остановился перекусить. Сергей прижался к куртке лицом и втянул в себя воздух... Что же это... Тебе ведь... да и знакомы вы всего...

Но перед глазами стояли носилки, а сердце... Он надел куртку, Так казалось ближе... Куртка была маленькой. Плечи давило, рукава были почти по локоть. Не порвать бы... Пора. Если он поторопится...

Что-то большое бросилось под колеса. Он резко выкрутил руль...

Простыня! Белая, пахнувшая больницей простыня, закрывающая лицо, мешающая дышать, мешающая смотреть... Простыня! Вот что ускользало от него во сне.

Рассказы получились более или менее сносными тоже, кстати, благодаря матери, которая писала вместо меня все мои школьные сочинения, в результате меня миновала чаша с тем до отвращения ужасным языком.

Сначала я хранил рассказы в столе, но позже, с появлением компьютера, начал размещать их в интернете.

Смена жанра привела к достаточно интересным последствиям:

Я разучился писать стихи. Не то, чтобы я до этого был поэтическим гением, но после смены жанра я без мата не мог больше придумать и пары строк. Что ж... наше сознание способно и не на такие фортели.

Я начал по-другому читать. Если раньше я больше уделял внимание содержанию книги, и интересным мыслям, то с переходом на новый жанр я научился наслаждаться искусством автора управлять словами, жонглировать мыслями, выстраивать текст... При этом я совсем не уподобился приятелям-музыкантам, которые за аккордами перестали слышать музыку. Читая, я оставался читателем и, только садясь теперь уже за компьютер, превращался в писателя.

Кроме этого я начал задумываться над судьбоносными моментами, связанными с литературой. Так, написав «Войну и мир», Толстой бесспорно создал грандиозное произведение, занявшее достойное место среди литературных шедевров и так далее, но для далеких от филологии людей «Война и мир» как была, так и остается неким далеким от их понимания мертвым монументом, который они вряд ли когда-нибудь возьмут в руки. Зато когда другой, скорее всего, неизвестный гений ввел в сонм героев поручика Ржевского, «мир» «Войны и мира» сбросив свою монументальность, ожили в умах людей, развиваясь по своим, независимым от чьей-либо воли законам.

Также я понял, что хочу быть писателем. Не сетевым графоманом, которого читают непонятно кто и зачем, а настоящим писателем, во всех смыслах этого слова. При этом я хотел практически невозможного: Я хотел писать для души и продавать написанное достаточно удачно для того, чтобы можно было безбедно на эти деньги прожить. Для чего я и

заялся изучением вопроса отношений издатель— Автор, научился писать аннотации и синопсисы, узнал, что такое авторский лист... Ну да все это совершенно неинтересные для посторонних детали.

Не обошлось в этом деле и без забавных открытий:

Первое из них связано с отношением редакторов к авторам. Большинство из них мне попросту не отвечали, те же, кто нисходил до диалога посредством электронной почты, в своих письмах подбирали слова так, словно я был буйно-помешанным громилой, и мы были заперты в одной клетке без посторонних.

Те же, кому было не лень разносить мои тексты в пух и прах, напирали в основном на пропущенные запятые и прочую орфографию, словно именно это, а не излагаемые мысли имеет первоочередное значение. Интересно, если бы текст был записан в виде аудиофайла, к чему бы они цеплялись? К интонации?

Несмотря на то, что писателем я так и не стал, мои попытки заявить о себе не были в полной мере сизифовым трудом. Как я уже говорил, большинство издательств оставляло мои послания без ответа, но были и те, кто задавал вопросы, просил подправить текст и только потом посылал очень вежливо подальше. При этом паузы между посланиями длились по несколько месяцев, в результате я научился терпеливо ждать.

Не бросил же я атаковать издательства, во-первых, по-

тому, что, рассылая очередной шедевр по всем известным мне адресам, я ровным счетом ничего не терял; во-вторых, упрямство требовало: со щитом или на щите. К тому же в качестве подбадривающих похлопываний по плечу судьба дарила мне редкие публикации в журналах.

Так я и жил двумя параллельными жизнями, в одной из которых я был человеком Книги (у меня рука не поднимается назвать себя Мастером Книги); в другой – незадачливым писателем, обывателем, провинциалом. И если математические прямые не пересекаются в эвклидовой реальности никогда, то мои жизни пересеклись, и точкой их пересечения стал сон:

Меня разбудил дед... Нет, не так. Открыв глаза, я увидел деда. Он стоял у двери в спальню и смотрел на меня. Увидев, что я проснулся, он сказал:

– Одевайся, пойдем.

Боюсь, у меня не получится описать те чувства, которые вызвали слова деда. Я понимал, что он мертв, понимал, что проснулся во сне, понимал, что если во сне за тобой приходит покойник, скоро смерть придет наяву.

Догадавшись о том, что творится у меня на душе, дед рассмеялся.

– Ты что забыл, что я был представлен Книге? – спросил он, отсмеявшись. – А тот, кто имел честь увидеть ее, даже после смерти продолжает жить на ее страницах. Так что я настолько же живой, как и все те, кого ты видел на острове.

А если разобраться, то мы будем живей многих из тех, кто состоит из плоти и крови. В любом случае я не работаю подручным у Харона, и пришел для того, чтобы открыть твои глаза, а не за тем, чтобы тебя куда-то забрать. Одевайся. У нас не так много времени.

В следующее мгновение мы были уже на улице. Помню, было тепло и солнечно, но не как летом, а как поздней весной. Мы шли по одной из улиц частного сектора. Приятно пахло цветами, хотя самих цветов я не видел.

Дед привел меня к старому, покосившемуся дому с забитыми досками окнами. Дверь была не заперта, и мы вошли в дом. Изнутри он был значительно больше, чем снаружи, но все пространство первого этажа было забито каким-то хламом.

Мы поднялись наверх по широкой, покрытой останками ковра лестнице в огромную пустую комнату, настоящее царство пыли. На стене над давно уже потухшим камином висели часы с кукушкой. Часы шли, издавая какие-то чахоточные звуки.

– Посмотри внимательно на часы, – сказал дед, – видишь?

– Часы, как часы, – ответил я, не найдя в них ничего удивительного, кроме того, что они шли.

– Это особенные часы, и ты должен успеть увидеть...

Дед этого не сказал, но я понял, что оттого, увижу я нечто в часах или нет, зависит, как повернется моя дальнейшая жизнь. Но как я ни старался, я не мог найти в них ничего

особенного. Я уже готов был признать свое поражение, как вдруг до меня дошло, что циферблат этих часов разбит на 61 деление.

– Эти часы твои, – сообщил дед, после того, как я поделился с ним своими наблюдениями, – и сейчас они говорят, что ЭТО начинается.

Стрелки часов сошлись на двенадцати. Часы заскрежетали, открылась дверца, откуда высунулась кукушка. Прокричав 12 раз, она вернулась в свой дом, и дверца закрылась. Что ж, именно это и следовало ожидать от часов в 12. Едва я об этом подумал, часы остановились. Постояв с минуту, они с жутким визгом пошли в обратную сторону.

– Свершилось, – констатировал дед.

Несмотря на полное отсутствие видимой связи, я уверен, что исключительно благодаря этому сну я смог написать свой судьбоносный роман. Нет, не про Понтия Пилата. И не «Войну и мир». Ничего шедеврального. Обычную заурядную мелодраму о любовном треугольнике. Содержание романа выглядит примерно так:

В небольшом провинциальном городе, как две капли воды похожем на Аксай живет обычная среднестатистическая семья: муж, жена и двое детей. Мужу и жене по сорок. Детям 18 и 16. Семья, как семья. Не ангелы, но и не злодеи. В общем, люди, как люди. Роман начинается с того, что жена узнает, что ее муж регулярно изменяет ей с ее сестрой, которую она считала своей лучшей подругой. Разумеется два-

дцать лет совместной жизни – слишком большой срок, чтобы остаться безгрешными, но измена с сестрой...

Не желая прощать мужа, жена заводит себе любовника, затем второго, третьего... Она даже не пытается скрывать свои измены. Отношения в семье накаляются настолько, что начинает попахивать разводом.

И тут появляется он. Не принц, без коня, не красавец, не олигарх даже в масштабах их городка... В общем, он совершенно не в ее вкусе. Вот только он этого совершенно не хочет понимать и всячески пытается добиться ее расположения. При этом он настойчив, но не навязчив и не выглядит идиотом. Разумеется, ей льстит его искреннее внимание, его обожание, его восхищение. А тут еще муж постоянно долдонит ей, дескать, кому ты еще нужна. Вот уж поистине нет более надежного способа обзавестись ветвистыми рогами, чем игра на понижение самооценки супруги или супруга. Если постоянно внушать человеку, что он никому не нужен, рано или поздно у него появится желание это проверить, а когда эта проверка показывает, что он, оказывается, нужен, да еще как... И тот, третий прекрасно все это понимал.

– Ты редкая, чудная, восхитительная женщина, – постоянно повторял он, – и мне несказанно повезло, что я сумел встретить тебя, увидеть, насколько ты необыкновенная, полюбить.

– Но я замужем и...

После «и» обычно шли какие-то совершенно нелепые от-

говорки.

– А я от тебя ничего и не требую, – спешил заверить он, – только то, что ты хочешь.

– Но я не хочу, чтобы ты зря на что-то надеялся. Между нами ничего быть не может. И...

Он не возражал и ничего не требовал.

С ним она чувствовала себя женщиной. Она была желанной, обожаемой, любимой... Незаметно для себя она влюбилась, и когда это поняла, попыталась все прекратить, но было уже поздно, и ей ничего не оставалось, как броситься в эту любовь.

А любовь же у них была такой, что может быть только в сказках. Он ловил каждый ее взгляд, каждое слово... Он носил ее на руках, целовал ноги... А главное, ей не нужно было с ним притворяться. С ним она могла быть злой, капризной, страстной или наоборот, не желающей ничего...

Она же была действительно удивительной женщиной, той, с кем можно себя так вести.

Но было в этой идиллии и свое «но». Будучи идеальным любовником, он совсем не хотел становиться ее мужем, ее же тяготела необходимость уходить от него, чтобы возвращаться в постылый дом к теперь уже чуть ли не ненавидимому мужу.

– Пойми, солнышко, – в сотый раз пытался он ей объяснить, – мы не сможем быть счастливы в браке. Я не смогу тебя содержать, как ты привыкла. К тому же муж – это не

только муж. Это твой образ жизни, твои друзья, твой круг общения. Думаешь, они смогут меня принять? Или же ты хочешь порвать с этими людьми? И это не говоря о том, что у тебя дети?

– А что дети? – насторожилась она, когда этот разговор произошел между ними впервые. – Ты же знал, что я замужем, что у меня двое детей, и дети для меня главное.

– Конечно, милая. Об этом я и говорю. Как ты объяснишь им, что стоит тебе расстаться с папой, как у тебя тут же появлюсь я?

Не нравилось ей и поведение мужа. Несмотря на то, что она попросту не могла скрывать свою любовь, на протяжении нескольких лет муж не замечал ничего подозрительного, а если и заговаривал о любовнике, то исключительно в виде шутки. Она же представить себе не могла, что кто-то настолько может быть глухо-слепо-немым.

Понять, что есть что, ей помог случай. Спеша по делам, она проходила мимо кафе. Заглянув внутрь, она увидела любовника и мужа весело обсуждающих что-то за пивом. Как она ни пыталась, она не смогла представить себе ни одну причину, по которой они могли оказаться за одним столиком.

Решив выяснить, что там к чему, она не стала ничего говорить ни любовнику, ни мужу, а начала за ними следить. То, что она узнала, было за пределами ее понимания. Оказывается, муж, ее муж нанял этого любовника, чтобы тот с

ней спал. Муж платил ему деньги!!!

Добыв неоспоримые доказательства, она прижала любовника к стене. Он сознался во всем.

Он сказал, что потерял работу, что ему были нужны деньги, поэтому он на это пошел. Потом он действительно влюбился, а соглашение с мужем позволяло не только беспрепятственно встречаться с любимой, но и давало возможность безбедно жить.

На ее «не верю» он возразил:

– Тогда почему, если я тебя не люблю, я ни разу не изменил тебе за все эти годы?

Но если любовника она могла еще как-то понять, то поведение мужа было для нее поведением марсианина-шизофреника: платить за то, что кто-то спит с твоей женой!..

Версия любовника была такова:

– Как я понимаю, твой муж – настоящий мужчина. А настоящий мужчина не может прощать измены жены. Поэтому, узнав о твоих похождениях, он должен был выставить тебя за дверь. Но вы прожили более 20 лет вместе, привыкли друг к другу, притерлись. К тому же как хозяйка и мать ты более чем великолепна. Вот он и решил, что лучшим выходом для него будет никогда не узнавать о твоих изменах. Ты же все делала для того, чтобы он тебя застукал... Тогда он решил обратиться ко мне с предложением стать твоим любовником.

– И ты все эти годы врал и расстилался передо мной из-за денег?

– От меня требовалось только вести себя так, чтобы муж имел возможность ничего не знать. В остальном я был совершенно искренним и естественным...

Роман писался настолько легко, что я скорее был акушером, чем автором. Не могу сказать, что слова сами рождались в моей голове, не говоря уже о том, что само проведение диктовало мне текст, когда я садился за компьютер. Процесс написания больше походил на компьютерную игру. В своем воображении я видел этих людей, по своему желанию я мог посмотреть глазами любого из них, а мог наблюдать за происходящим со стороны. Моя работа заключалась лишь в том, чтобы облечь увиденное в слова, и слов мне катастрофически не хватало.

Как я тогда завидовал Жванецкому, Битову, Гребенщикову, Маяковскому, Наумову... всем тем, кто мастерски владел или владеет словом! И эта зависть требовала от меня сделать все возможное и невозможное, чтобы овладеть языком. И я старался. Я переписывал каждую сцену десятки раз, проводя за компьютером по 10–12 часов в сутки...

Раз зашел разговор о зависти, хочу сказать, что о такой зависти, как у меня, можно только мечтать. Я совсем не скрежещу зубами по поводу чьих-то достижений, а демонстрации атрибутов хорошей жизни вызывают у меня смех. Да и как можно не смеяться над тем же Славиком?

Он переехал в новую квартиру, сделал ремонт, обставил квартиру мебелью. Все по последнему слову моды. Славик

гордо демонстрировал мне свои достижения, с наигранной небрежностью называл суммы, в которые ему это обошлось. Меня же откровенно сместила эта демонстрация чувства собственной важности. Бедный Славик, он лет на пятнадцать залез в долговую яму, и все для того, чтобы было чем похвастаться перед приятелями и подругами жены.

Когда же я обнаружил, что на дорогой кровати под дорогим покрывалом лежит дешевый матрас, это такое приспособление для вежливого выпроваживания нежеланных гостей, я еле сдержался, чтобы не рассмеяться ему в лицо.

Моя же зависть требовала от меня только двух вещей: тренировки тела и сознания, чтобы я смог стать лучшим из возможных вариантов себя.

Написание романа заняло каких-то три месяца – срок, которому позавидовали бы даже герои первых пятилеток. Подняв знамя Сизифа, я принялся рассылать роман по всем известным издательствам. Ответом была тишина. Но я не сдавался. Подобно последним оставшимся в живых на Земле героям фильмов, я продолжал упорно слать свои позывные в окружающее молчание.

Устав быть полковником, которому никто не пишет, я разместил свой роман в интернете.

Новая Глава

Они остановили меня во время прогулки. Двое парней примерно по тридцать лет. Судя по экстерьеру – менеджеры.

– Виталий? – спросил один из них.

– Смотря, что вы от меня хотите, – ответил я.

– Нам очень нужно с вами поговорить.

– О чем?

– «Не ищите правду» – ваш роман?

– Да, а что?

– Мы хотели бы обсудить с вами по этому поводу одно дело. Может, обсудим это где-нибудь в кафе?

Мы разговаривали, стоя на главной улице Аксая в районе больницы. Через дорогу от нас был «Цветочный», но там столики стоят чуть ли не на проезжей части, поэтому я предложил зайти в «Уно». Это в двух минутах ходьбы, зато там можно нормально посидеть. Мои собеседники не возражали.

– Мы хотели бы предложить вам сотрудничество или работу, – сказал все тот же парень, когда мы сели за столик. За всю нашу встречу его приятель заговорил всего один раз, когда заказывал кофе.

Как говорил и писал Литвак, когда кто-то предлагает что-либо потенциально интересное, надо соглашаться, а уже потом, при обсуждении деталей, можно и сказать нет. Решив последовать его совету, я ответил:

– Сотрудничество – это хорошо. Но что именно вы от меня хотите?

– Я не знаю, как это называется в писательской работе... Короче говоря, мы бы хотели, чтобы вы писали для нас, как писали «Не ищите правду», но только по нашим сюжетам... даже не по сюжетам, а по заданным ситуациям... ну там по месту действия, действующим лицам... Примерно так.

– Можно, конечно, попробовать, а там будет видно.

– И нам бы хотелось, чтобы это был наш эксклюзив. Разумеется, мы готовы платить, – поспешил добавить он, видя как скривилось мое лицо. И он назвал сумму более чем в 10 раз превышающую мои самые смелые ожидания.

– Какого объема тексты вам нужны?

– Это не имеет значения. Главное, чтобы сюжетная линия, особенно поведение героев и психологическая подоплека их поступков были максимально естественными, такими, как в вашем романе.

– Понятно, а как вы представляете себе схему нашего сотрудничества?

Схема оказалась более чем простой и предельно удобной: Я получаю по электронке материал для будущего текста, творю, отправляю по электронке, получаю деньги на свой счет с уже вычтенными налогами – все законно. На случай возникновения проблем мне дали номер телефона и имя: Алина. В общем, самым трудным шагом был поход в банк, но я справился и с этим.

Мой первый заказ пришел через неделю. Пять вордовских листов с описанием разборок в какой-то банде. От меня требовалось, чтобы в конце текста один из бандитов, премерзкий, надо сказать, тип, вышел победителем. Прочитав условие задачи, я позвонил Алине.

– Чем могу помочь? – услышал я в трубке приятный женский голос.

– У меня проблема с заказом.

– Говорите.

– Я не владею ни знанием воровских понятий, ни блатной феней.

– Это не страшно. Пишите своим языком. Редактор, если будет нужно, подправит. Для нас важен сам сюжет.

Рассказ, а у меня получился текст на сорок страниц, был готов через месяц. На следующий день я получил «положительный отзыв» и сканированную квитанцию, согласно которой гонорар был переведен на мой счет.

А еще через неделю пришел следующий заказ...

По мере того, как я набивал руку, я начинал все отчетливей представлять себе структуру текста в виде своеобразной конструкции-лабиринта, количество разветвлений которого равнялось количеству возможных естественных вариантов развития сюжетной линии. Что такое возможный естественный вариант развития событий? Это такой вариант, при котором развитие сюжета происходит естественным путем, так, как происходило бы в жизни. Именно от степени

естественности зависит, как сильно читатель будет психологически верить в описываемые события. А раз от меня требовалось максимальное приближение к естественному развитию событий, то я мог следовать только по тем или иным коридорам этого лабиринта, даже не помышляя о подкопе или преодолении стен. Правда задания мне попадались все сплошь линейные или с одной, двумя узловыми точками, так я назвал развилки лабиринта. Добираясь до такой развилки я звонил Алине, и уже она или кто-то у нее за спиной решал, какой из возможных путей мне выбрать.

Раза два мне пришлось отказываться от заказа на том основании, что сюжетный лабиринт не предусматривал ожидаемого результата. Получив исчерпывающий аргументированный ответ, работодатели заплатили мне за отказ, как за полноценно выполненную работу...

Так я стал хоть и неизвестным, но одним из наиболее высокооплачиваемых писателей страны. Я купил себе дом. И первым делом я нанял домработницу, которая раз в неделю должна была убирать, гладить постиранное белье, ну и так далее. По мне так нет более бесполезного занятия, чем уборка. Уберешь все, вылижешь, а через неделю начинай сначала. Поэтому, каждый раз, беря в руки пылесос, я чувствовал себя Сизифом, а во время генеральной уборки – генеральным Сизифом. Не удивительно, что первым делом я возложил именно эту обязанность на чужие плечи. Затем я избавился от машины. Я никогда не любил сидеть за рулем, и ко-

гда у меня появилось достаточно денег, чтобы можно было не экономить на такси, я отправил права в унитаз. Благо, их срок годности подходил к концу, а получать новые мне не хотелось. Чуть позже я начал питаться только в кафе и ресторанах и периодически заказывать еду на дом.

Я даже всерьез начал подумывать о поиске Родины. Несмотря на то, что я родился, вырос и всю жизнь прожил в Аксае, свою Родину я видел где-нибудь на далеком теплом острове. Я рисовал себе в воображении тихий домик недалеко от океана, во дворе пара-тройка кустов марихуаны. Рядом кафе или ресторанчик, где можно прилично питаться. И чтоб никакой демократии, никакой любви к президенту, никакой политкорректности или победы феминизма. И чтоб ни одна сволочь не лезла в чужие дела.

Раньше, благодаря железному занавесу таким раем на земле для нас была заграница. Там в нашем понимании текли молоко и мед, а колбаса рождалась прямо в магазинах. Оставалось только найти способ вырваться из цепких лап родной страны. Потом, когда занавес рухнул, стало выясняться, что там тоже не все так гладко. Что там такие же дебилы, как и у нас, законы, но там их надо исполнять, а для этого надо быть как минимум слабоумным.

Ну да мысли о Родине все больше были мечтами. У меня были деньги, была непыльная работа. Были люди, которые старательно оберегали меня от реалий постсоциалистической комсомольско-буржуазной действительности, лишь

бы только я не отвлекался от писательского труда.

Первое подтверждение того, что мои работодатели – люди серьезные, я получил при покупке дома. Надо было идти в такие доставшиеся нам от темных времен столпы бесчеловечности, как горгаз, паспортный стол и так далее. У меня же с детства стойкая аллергия на всякого рода казенных людей. Разумеется, охватившее меня уныние не могло не отразиться на работе.

Не успел я сдать очередной заказ, как позвонила Алина.

– Что с тобой? – спросила она. Мы уже были на «ты», хоть я ее ни разу еще не видел.

– Ты что, забыл, что я решаю проблемы? – спросила она, когда я изложил ей положение дел.

– Я думал ты... это... только по работе, – растерялся я.

– Я приставлена к тебе для того, чтобы решать все проблемы, мешающие писать.

На следующий день после этого разговора какой-то парнишка принес мне все нужные договоры, заключенные без моего участия и записку, в которой говорилось, что мне также не стоит думать ни о чем, включая оплату коммунальных услуг. Наверно, мне многое могло бы сойти с рук, но я предпочел это не выяснять – зачем испытывать терпение тех, у кого оно может быть не безграничным?

Правда, при всем своем желании никто не мог избавить меня от грязи на дорогах, от грохочущей музыки из машин, от орущих диким голосом детей, от вечных выключений све-

та или воды... А с другой стороны, никто ведь не гарантировал, что вновь обретенная Родина лишена своего местного отравляющего жизнь набора удовольствий? Не зря же Шекли написал «Билет на планету Транай».

Второй раз Алина позвонила, чтобы устроить мне небольшой разнос. Работа отнимала у меня часа по четыре в день, и в свободное время я писал небольшие рассказы, которые размещал на своем сайте в интернете. Я только выложил рассказ о тайном обществе, члены которого с целью увести различных эзотерических туристов и прочих искателей истины от действительно охраняемых секретов, создавали лжеартефакты вроде тех лемурийцев, которых видел, а затем описал в своих книгах Мулдашев.

– Я звоню сказать, – начала она без предисловий, – что в своем последнем рассказе ты затронул весьма щекотливую тему. Нам пришлось во избежание проблем кое-что в нем подправить. Тебе же не нужны проблемы?

– Нет, мне проблемы не нужны, – ответил я, вспомнив размышления Роберта Уилсона о том, что Лавкрафт загадочно умер из-за того, что слишком откровенно писал о том, о чем посторонним людям знать не положено.

– Вот и хорошо. А раз так, давай ты будешь высылать все свои тексты сначала мне, а я сама уже буду выкладывать их в интернете. Ну а если учесть, что такой договоренности у нас с тобой не было, мы готовы предложить тебе компенсацию за эти неудобства в виде повышения твоего гонорара на

двадцать процентов. Идет?

За двадцать процентов я готов был вообще все сжечь и больше не писать ничего лишнего. Тем более, что этот вопрос они вообще могли решить в приказном порядке.

Новая Глава

На первый взгляд заказ показался мне простым, как семь копеек. Обычная слегка запутанная мелодрама. Муж, жена, любовник, любовница, дети, родственники, бизнес... Сто сорок какие-то серии подобной мути всегда идут как минимум по одному из телеканалов. К тому времени я научился щелкать такие задания на раз, два, три. Но стоило мне начать выстраивать сюжетный лабиринт, как видимая простота обернулась невероятной структурной сложностью. Мало того, что по степени запутанности лабиринт был сравним с картой автомобильных дорог Москвы, так он еще и открывался пошагово. То есть, находясь в одной из узловых точек сюжета, я мог видеть только варианты следующего сюжетного хода, но не дальше. А это значило, что для того, чтобы добраться до заданного варианта финала, мне надо было переписывать этот рассказ снова и снова несчетное множество раз. И это еще не все. Сюжетный лабиринт был нестабильным! То есть он мог в любой момент по воле случая сам поменять свою конфигурацию, сведя на ноль все мои старания. Промедитировав над заданием что-то около недели, я позвонил Алине.

- Похоже, у нас серьезная проблема, – сообщил я.
- Что у тебя?
- Последнее задание невыполнимо.

– Что значит невыполнимо?

– Ну это как в физике задача на взаимодействие трех и более тел.

– И что, ничего нельзя сделать?

– Единственный вариант решения состоит в написании бесконечного числа текстов на заданную тему, а это потребует времени, сопоставимого со временем существования вселенной.

– Ладно, будем решать на месте. Жди, я скоро приеду.

Я начал, было, объяснять, как меня найти, но Алина меня оборвала:

– Я знаю, где ты живешь.

А меньше, чем через час она уже сигналила у моих ворот. Пока я выходил из дома, она открыла своими ключами калитку, справилась с воротами и заехала на миниатюрной «Тойоте» во двор.

– Привет, – сказала она, выходя из машины, – будем знакомиться. Я – Алина.

Среднего роста. Блондинка. Стрижка кроткая. Худенькая. Не красавица, но симпатичная. Одета просто: джинсы, кофточка, куртка. На ногах сапожки. Изящные, хоть и на низком каблуке.

– Привет, – сказал я, – заходи. Не разувайся.

Меня лично бесит наша дурацкая традиция снимать обувь в прихожей и топтать дальше либо в общественных тапочках, либо в носках. Считается, что это правило поведения про-

диктовано грязью на улице, которая, налипая на подошвы, попадает в дом вместе с тысячами опасных микробов. При этом никого не смущает тот факт, что через открытые форточки и окна в дом влетает на несколько порядков больше пыли, чем может уместиться даже на самой рифленой подошве. Также никого не смущает, что эта же пыль с этими же страшными микробами садиться на сушащееся на улице или на балконах белье. Опять же, носки или колготки – это прекрасные пылесборники. На них мы переносим из дома в дом не только грязь и аромат ног, но всевозможные болезни, которым вполне вольготно живет в коврах и хозяйских тапочках. Кто пытался вывести грибок, знает, о чем я говорю. Так что еще неизвестно, что гигиеничнее, разрешать гостям не разуваться, или же заставлять их ходить в носках. Тем более, что ни один нормальный человек не будет лезть по колено в грязь, идя к кому-нибудь в гости, а тех, кто этого не понимает, попросту не стоит приглашать.

Опять же детские воспоминания вселяют в меня уверенность в том, что эта мерзопакостная традиция вообще не имеет никакого отношения к вопросу чистоты:

Первая половина семидесятых годов. К родителям часто приходят гости. Они проходят в зал и уже там, перед ковром снимают обувь... Ковер! Именно Ковер с большой буквы. Это сейчас для многих он не более чем напольное покрытие. Тогда же, в советское время он был символом достатка, успеха в жизни и богатством, которое надо было передать детям

и внукам в целостности и сохранности. Именно благоговение перед Коврами заставило нас снимать обувь.

Разуваясь, мы, тем самым, демонстрируем преклонение перед хозяйскими Коврами или половиками и заставляем гостей поклоняться нашим Коврам, словно они наши боги.

В цивилизованном же мире, как и в тех российских семьях, в которых годы советской власти окончательно не изжили этикет, к публичному расхаживанию в носках относятся примерно также как к появлению на людях в одном белье.

Об этом, кстати, свидетельствует сцена из жизни лилипутов в фильме «Дом, который построил Свифт». Помните момент, когда у героя Караченцева соскакивает туфля и второй лилипут обнаруживает там потайную стельку, позволяющую казаться выше. Он зовет жену, Бетти, чтобы рассказать ей об этом, но уличенный в мошенничестве лилипут и Бетти признаются, что она знает об этом, потому что видела его без туфель.

Без туфель, значит без всего! – доходит до обманутого мужа.

Разрешив гостям не разуваться, я начал получать массу удовольствия, наблюдая за их реакцией. Одни, переспросив пару раз, решались нарушить культурологическое табу. Условный рефлекс других заставлял их разуваться, даже в тех случаях, когда кроме них этого никто не делал. Третьи оставались в обуви, но отказывались пройти в дом, предпочитая разговор у входной двери.

Алина позволила мне помочь ей снять куртку и направилась в мой рабочий кабинет.

– Я тут подумала и решила, – начала она разговор, сев на диван, – что раз наша задача не решаемая, превратим ее в решаемую.

– Это как?

– Изменим стартовые условия; разобьем ее на несколько задач; изменим список действующих лиц... Да мало ли.

К тому моменту, когда бесконечный сериал превратился в сборник рассказов, а финал стал значительно менее феерическим, чем от меня требовалось вначале, уже начинало светать. Глядя на нас, можно было подумать, что это Алина владеет секретом сюжетного лабиринта. Мне же оставалось лишь восхищаться ее блестящим умом, варить кофе и заваривать чай.

По мне так нет более отвратительного явления, чем чрезмерно тактичный человек. Так, например, из вежливости он будет внимательно тебя слушать, даже если то, что ты говоришь, ему глубоко до фонаря, и тихо проклинать тебя за непонимание того, что пора бы уже заткнуться. С максимально радушным выражением лица он будет приглашать тебя в дом или за стол, одновременно проклиная за то, что ты принял его приглашение. Или же он будет всячески демонстрировать, как он рад тебя видеть, мечтая лишь о том, чтобы ты свалил...

А если даже он действительно рад тебя видеть, то все рав-

но ты будешь чувствовать себя полным мудаком, не зная, надо ли тебе уже сваливать, пора ли заткнуться или вообще перестать с ним здороваться.

При этом такая тварь никогда прямо не скажет, что сегодня, например, тебя видеть не рады, или уже пора тебе, батенька, и домой... Да и если ты попытаешься вести себя с ним более или менее искренне, воспримет это как оскорбление.

И выхода здесь нет никакого, или, вернее, только один: держаться от таких людей подальше и всячески пресекать любую попытку вести себя с тобой вот так до тошноты тактично.

Другой не менее отвратительной крайностью является граничащая с наглостью простота, когда такому вот простому гостю постоянно хочется сказать: «нельзя», «фу», «место», «не трогай», «пошел вон!!!».

Алина же легко и совершенно естественно балансировала между этими крайностями, заставляя меня убеждаться в том, что общение, даже деловое, может быть действительно праздником души. К тому же она умела создавать вокруг себя атмосферу той легкости, которая бывает только во время общения с хорошими старыми друзьями. Разумеется, короткие деловые телефонные разговоры не позволяли мне узнать Алину с этой стороны... В общем, я был очарован и приятно удивлен.

– Ну что, может чаю для промывки мозгов? – предложил

я, выключая ноутбук. – Все равно, пока мозги не остынут, бесполезно ложиться спать.

– Что мы еще не пили?

Пару лет назад приятель подсадил меня на хорошие китайские чаи, которые можно найти только в хороших чайных клубах. Заваривать и пить такой чай стоит только так, как это делают понимающие толк в чае китайцы. Несколько посещений чайного клуба вполне хватит, чтобы освоить азы искусства чаепития. Так вот, с тех пор у меня дома всегда было не менее десяти сортов чая.

– Могу предложить хороший гуаньданский улун, – сказал я.

Предложение было принято.

А потом... Потом, совершенно неожиданно для меня мы оказались с Алиной в одной постели. Конечно же я не был ни девственником, ни монахом, но героем кобелистического труда меня тоже трудно назвать, даже с большой натяжкой. Несмотря на то, что я относительно легко находил с женщинами общий язык, я всегда немного терялся, когда надо было переходить от дружбы к любви. С Алиной все было намного сложнее хотя бы потому, что я был ей не парой. Несмотря на то, что я не знал, каково реальное положение Алины в той структуре, на которую мы работаем, но в одном я мог не сомневаться: стань я для нее проблемой, она сможет решить ее фактически не напрягаясь. К тому же я не люблю риск и не настолько безрассуден, чтобы становиться на пути

у могущественных людей, а на Алину у кого-нибудь из них вполне могли быть свои виды.

Желание быть с Алиной оказалось сильнее моего страха, и, вместо того, чтобы забыть о том нашем безрассудстве, я сделал все, чтобы отношения с Алиной вылились в полноценный роман. Первые пару месяцев я чувствовал себя героем Оруэлла, но со временем до меня дошло, что мои наниматели готовы приветствовать все, что способствовало улучшению моего труда. Ну а присутствие Алины меня просто окрыляло.

Не знаю, чем для нее в действительности были эти отношения, я же влюбился до потери соплей.

Нашу любовь описывать бесполезно. В ней не было ни душещипательности мелодрам или женских романов, ни изощренного секса эротического жанра. С нами случилось нечто значительно большее, чем основанный на владении искусством любви секс, необузданная страсть или постоянное желание друг друга, а именно совершенно нереальное чувство единения, словно наши энергетические тела или души, кому что больше нравится, стали своего рода сиамскими близнецами. Подобно тому, как возникающее в сознании верующих чувство приобщения к таинству веры превращает нелепый для постороннего набор слов в путь к богу, возникшее у нас чувство превращало повседневные мелочи и трогательные нелепости в родственное гнозису таинство любви. Ну а гнозис словами невыразим.

А если честно, то у меня таки и не получилось написать что-либо вразумительное о нашей любви. Окончательно запутавшись в словах, я разродился нелепым стихотворением, которое хоть в какой-то степени отражало происходящее между нами:

Любить
Друг друга...
Любить, –
Я не оговорился, –
Любить, любить, любить...
Здесь и сейчас,
Немедленно...
И бог с ними с оргазмами
(Ну и словечко),
И бог с ними со всеми «до»,
Как и со всем, что будет после...
Любить сейчас,
Превращаться
В
Мифического
Для всех остальных, –
Ты же помнишь,
Они – всего лишь человечество, –
Кентавра,
В страшного Яты,
В страшного зверя Яты,
Танцующего при полной луне,

Оглушающего своим криком окрестности,
Пугающего до смерти добропорядочных граждан и
крестьян.

Не дерет ли он скот?

Не наводит ли порчу?

Не болен ли?

Но мы танцуем при полной луне,

И здесь важно каждое движение,

Каждый штрих,

Каждая мелочь...

Но приходит финал,

И мы распадается

С обреченностью трансурановых элементов,

И ты,

Бывшая только что частью меня,

Переходишь в автономное плавание,

А я продолжаю жить памятью единения.

Жить до востребования...

Жить...

Алина стала центром моей вселенной, огромной силы черной дырой, притягивающей все мои чувства, мысли желания... Я бы с радостью, забыв вообще обо всем, исчез бы для всего остального мира за ее горизонтом событий, но сохранившая трезвость ума Алина удерживала меня от этого шага.

Видя мое любовное помешательство, она взяла на себя контроль над моей работой, и если я пытался халтурить или

летать в облаках вместо того, чтобы заниматься заданием, окатывала таким вселенским холодом, что я в миг становился пай-мальчиком и брался за дело.

Вот только ее работа не ограничивалась ролью моей няньки, и каждый звонок ее мобильного телефона переносил нас из мира домика Мастера и Маргариты, который они обрели в конце романа, в мир Джеймса Бонда.

Алина говорила в трубку: «Понятно», – затем быстро одевалась, хватала всегда собранную походную сумку и исчезала из моей жизни иногда на час, а иногда и на несколько дней. Чем она занималась, для меня было тайной за семью печатями. Я лишь один раз попытался завести разговор о ее работе, но Алина одарила меня настолько красноречивым взглядом, что я никогда больше не касался этой темы. В отместку, (и как я сейчас понимаю, это было совершенно правильным решением), я ни словом не обмолвился о сюжетном лабиринте, объясняя свои выводы интуицией или чутьем.

Однажды, правда, у нас состоялся разговор, расставивший все «ё» перед «б».

– Может, давай мотанем куда-нибудь на недельку? – предложил я тогда. – Забудем случайно мобильники и ноутбук... Куда-нибудь в тихое место, только я и ты, и чтобы ни одной твари?

Она отреагировала на это, как кошка, которой наступили на хвост.

– Правило гласит: работа прежде всего. Все, что помогает нам делать нашу работу, приветствуется и поощряется. То же, что мешает работе, рассматривается, как препятствие, а препятствия у нас принято устранять. Поэтому если хочешь, чтобы у нас все было хорошо, нужно, чтобы наши отношения помогали работе, или хотя бы ей не мешали. Запомни это раз и навсегда и больше не возвращайся к этой теме, – она произнесла это так, словно вгоняла в меня слова, как гвозди.

– Понятно, – грустно ответил я.

В следующее мгновение она уже меня обнимала.

– Я просто не хочу стать помехой в твоей работе, – прошептала она, целуя мое лицо.

Но если, благодаря стараниям Алины, с работой все было в порядке, то о Книге с нечетным количеством страниц, как и о книге деда, я совершенно забыл. Вот только Мастера Книги меня не забыли.

Они пришли перед рассветом, как гестапо или НКВД. Шесть человек в длинных просторных одеждах белого цвета. Они вошли в нашу с Алиной спальню, вынырнув из тускло светящегося тумана, закрывшего собой все пространство за дверью спальни. Старшим из них был тот самый мужик, что представил меня когда-то Книге.

– Она ждет, – сказал он мне, когда меня растолкал один из его подручных, – идем.

Спорить, а тем более сопротивляться было бесполезно. Я покорно встал с кровати. Алина продолжала крепко спать –

скорее всего, они каким-то образом не давали ей проснуться. Мысленно попрощавшись с ней, я занял свое место в весь-ма оригинальном построении. Впереди встал тот самый тип, что знакомил меня с Книгой, за ним еще двое, за ними я, за мной двое, за ними последний гость. Когда я занял свое место в строю, мы вошли в туман, который оказался своеобразным обманом зрения. До самого последнего момента, глядя на туман, я был уверен, что он постирается на огромные, сопоставимые с бесконечностью расстояния. На практике же, то есть в момент пересечения, он оказался чем-то вроде плоской ширмы, служащей границей между спальней и миром Книги.

Пройдя сквозь туман, я очутился перед ней. Как и в прошлый раз она парила в пламени костра. При моем появлении Книга раскрылась, наполнив мое сознание пониманием без слов.

Глядя на Книгу, я понял, что совершил серьезнейшую ошибку, забросив свои упражнения с книгой деда; что тот, кто ступил на путь знания, уже не может с него свернуть, а раз так, то единственной имеющей принципиальное значение целью моей жизни должно быть обретение прозрения; что, став отступником, я сам обрек себя на слепоту, что я не должен винить в этом ни Книгу, ни ее Мастеров, ведь слепота – это то, что мы имеем по умолчанию, тогда как за право быть зрячим надо бороться каждое мгновение жизни.

Также я понял, что в мире Книги действует до боли зна-

комое правило: Книга прежде всего. Все, что помогает нам искать прозрение, приветствуется и поощряется. То же, что мешает поиску, рассматривается, как препятствие, а препятствия принято устранять.

Объяснив это, Книга вспыхнула столь ярким светом, что он вызывал у меня такую же боль, какая бывает при попадании спирта в глаза. Я закричал от боли и... проснулся.

– Надеюсь, ты не часто кричишь во сне? – недовольно спросила Алина. Я разбудил ее криком.

– Который уже час?

– Половина десятого.

Самое дурацкое время для пробуждения: с одной стороны, можно еще спать и спать, а с другой, – проснувшись, уже хрен заснешь.

– Давай, может, чаю? – предложил я.

– Я бы выпила кофе.

– Кофе, значит кофе.

Но едва я смолот зерна, зазвонил телефон Алины.

– Мне пора, – сообщила она, сказав привычное «понятно» в трубку.

– Может, выпьешь чашку? – спросил я.

– Не могу – меня ждут.

– Дело пяти минут. Пока ты будешь одеваться, я сварю.

– Забудь, искуситель.

Одевшись, Алина подошла поцеловать меня на прощанье. Для ритуального мой поцелуй получился слишком уж

страстным и каким-то драматическим.

– Ты чего? – спросила Алина.

– Не знаю, наверно сном наваяло.

– Ладно, обещаю быть хорошим мальчиком.

– Клянусь на самом святом, – ответил я, положив руку ей на талию.

Проводив Алину, я приготовил кофе, поджарил гренков. Умяв их с сыром и медом, – поистине достойный Винни-Пуха завтрак, – я сел за компьютер.

Я сидел и тупо пялился в экран ноутбука. Не знаю, наверно, долго. Читать задание было бесполезно – я знал его наизусть. Да и задание было пустяковым, на полтора авторских листа (1 ал = 40 000 знаков с пробелами). Вот только лабиринт я больше не видел. Между мной и лабиринтом словно возникло заляпанное грязью лобовое стекло автомобиля, как у Удава, есть у меня такой приятель, – на «Таврии», когда у него навернулся дворник. Удав тогда по зимней слякоти ездил без дворника, что называется, на ощупь.

Весьма своеобразный, кстати, человек этот Удав. Взять хотя бы его педагогические находки. Устав от криков маленькой дочери, он записал ее вопли на магнитофон, затем надел ей наушники и врубил на всю катушку. Девочка слегка подохрела, но больше при Удаве старалась не кричать.

Ну да бог с ним с Удавом.

Пялиться в экран было бесполезно, как и не пялиться, собственно, тоже. Хотя нет, пялиться было хуже. Медитация

на экран стимулировала и без того распоясавшееся воображение, которое рисовало картины моего ухода в отставку. Я буквально видел, как я сижу перед нанимателем, его лицо скрыто за лампой, свет бьет мне в глаза.

– Извините, – говорю я, – я больше не могу выполнять работу.

– Ты хорошо подумал, сынок? – сочувственно спрашивает он.

– Да, сэр.

– И что, ничего нельзя сделать?

– К сожалению, ничего.

– В таком случае не обижайся, но мне ничего не остается, как тебя уволить.

После этих слов, произнесенных с пониманием и сочувствием, он достает из стола ковбойский револьвер, наводит его на мой лоб и нажимает на спусковой крючок.

От страха у меня резануло живот, потом еще и еще. Согнувшись пополам, я бросился в сортир. Терпения хватило едва-едва. Усевшись на унитаз, я издал поистине грандиозный ректальный крик души. Облегчение принесло облегчение. А еще невероятное блаженство. Так хорошо до этого мне было только один раз. Тогда мы до чертиков накурились на даче, сожрали по две банки сгущенки, выпили литра по три пепси, и это кроме мелочей в виде, хлеба, булочек, бутербродов... А на следующий день моя жопа забыла, как срать. Видно, наркотик где-то отключил связь между мозгом и жо-

пой. Мой живот раздулся до невероятных размеров. Кишечник болел так, что слезы на глаза наворачивались, но жопа была непреклонной. И только в шесть часов вечера на следующий день до нее дошло, что надо приниматься за работу. Тогда я тоже едва успел усесться на унитаз. А потом я плакал от счастья.

Когда кишечник перестал давить на мозги, ко мне вернулась способность соображать, и я вспомнил о книге деда. Но ее я тоже не смог читать. Я знал значение каждого рисунка, но это была реакция памяти. Читать же я больше не мог. Альтернативного пути к успеху у меня все равно не было, поэтому я продолжал листать книгу деда, внимательно разглядывая каждую страницу.

Помогло. Книга погрузила меня в похожее на гипнотическое состояние, и я услышал в своем сознании голос деда:

– Тот, кто уже стал на путь, не может с него сойти. А это значит, что ты еще можешь найти прозрение. Для этого тебе, как и мне в свое время, придется постоянно двигаться дальше, познавая знание предшественников и добывая свое. Такова наша участь, и от нее не уйти. Также ты должен запомнить, что чем дальше ты на пути, тем сильнее будет твое страдание в случае отступничества. Помни это и не забывай никогда.

Так вот, значит, что заставляло деда практически даром реставрировать чужие книги!

Решение было найдено, а заодно и появился повод позво-

нить Алине – ее же никто не увольнял с должности моей няни. Звонить же просто так она мне запретила чуть ли не под страхом развода. Я уже приготовился сказать в трубку «люблю», «соскучился» и так далее в том же духе, но мне ответил мужской голос.

– Извините, я, наверно, ошибся, – сказал я, отключая соединение.

– Не вешайте трубку, вы не ошиблись, – поспешил сообщить мне тот же самый голос, когда я повторно набрал номер Алины. – Мое имя – Олег, и какое-то время я буду помогать вам в решении проблем.

– А где Алина? – спросил я.

– Она временно исполняет другие обязанности, так что, говорите, если вам нужна помощь.

– А как долго ее не будет?

– Этого я не могу знать.

– Надеюсь, ее не уволили?

– Не знаю. Подобные вопросы не входят в мою компетенцию. Могу лишь сказать, что я временно исполняю ее обязанности.

– Тогда я позвоню позже.

– Если вам нужна помощь, не стоит откладывать. Ее может не быть достаточно длительное время.

Я уже готов был перейти к конструктивному диалогу, когда в моей голове всплыли «слова» Книжки о том, что помехи на пути принято устранять. А если учесть, что из-за любви к

Алине я позабыл все на свете, включая и путь... Продолжать эту мысль мне совсем не хотелось.

– С ней все в порядке? – спросил я.

– Я же уже сказал, что эти вопросы...

– Послушайте, Олег, – перебил я, – вы имеете представление о том, в чем заключается моя работа?

– Разумеется. Иначе бы я сейчас с вами не разговаривал.

– А раз так, то вам должно быть известно, что вся моя работа базируется на интуитивных наитиях.

– Я не понимаю, что вы этим...

– Так вот, – не стал я его слушать, – интуиция мне подсказывает, что с Алиной что-то случилось.

– Я не...

– Вы можете не перебивать?

– Хорошо.

– Так вот. Качество моей работы напрямую зависит от моего эмоционального состояния. А если вы учтете характер наших с Алиной отношений, вам станет ясно, что от ответов на мои вопросы будет зависеть величина и качество моих художественных надоев. Тем более, что я не спрашиваю, где и чем она занимается, раз у вас не принято об этом говорить. Я лишь хочу знать, все ли с ней в порядке.

– Хорошо. Я постараюсь выяснить этот вопрос.

– Буду вам весьма признателен. И еще. У меня проблемы с вдохновением, и здесь уже без вашей помощи не обойтись.

– Мы сделаем все, что в наших силах.

– Думаю, это в ваших силах. Мне нужны старинные рукописные книги.

– Хорошо. Когда прислать мастеров, чтобы оборудовали библиотеку?

– Спасибо за заботу, но мне больше подошел бы допуск к каким-нибудь коллекциям или архивам. Мне нужны не сами книги, а возможность периодически их читать, посматривать, любоваться ими. Меня устроят даже качественные сканы, если такие есть в наличии.

– Хорошо. Я разберусь с этим.

Через два часа, (наверно, через самых долгих в моей жизни два часа), курьер привез мне два совершенно удивительных тома, пропуск в областную библиотеку и записку с просьбой позвонить Олегу.

Меня трясло, когда я набирал номер, ждал, когда он ответит... Наконец, трубка сказала его голосом:

– Слушаю вас.

– Я все получил. Спасибо.

– Я правильно выполнил ваш заказ?

– Более чем.

– Надеюсь, с вашим вдохновением все будет в порядке.

– Теперь уже да, – сообщил я, хотя сам не был в этом уверен.

– Тогда приятно вам потрудиться.

– А как Алина? Вы о ней что-нибудь узнали?

– Пока нет. Шеф все время занят, и... Но когда у меня будет на руках выполненная работа...

– Понял, – сказал я, – выпускаю заложника.

– Что вы имеете в виду? – насторожился Олег.

– Ну это как в кино. На любое требование террористов идет контртребование выпустить заложника. В данном случае заложником является мой заказ.

– Я бы на вашем месте не стал бы так относиться к этому вопросу.

– Да это шутка.

– Шутка?

– Шутка, шутка.

– Хорошо. Пусть будет шутка.

Только раскрыв присланные Олегом книги, я почувствовал, что нечто во мне, этакий аналог бензобака или даже, скорее, аккумулятора был совершенно пуст. Я полностью исчерпал свой энергетический потенциал, благодаря чему и потерял способность видеть.

Я листал книги, внимательно рассматривая каждую страницу, и буквально чувствовал, как наполняюсь энергией. Когда уровень зарядки перевалил через отметку 50 %, я вновь смог читать. За ноутбук же я сел только полностью подзарядившись. Когда выполненный заказ ушел по нужному адресу, я позвонил Олегу.

– Слушаю вас, – сказал он, – чем могу помочь?

– Текст уже должен быть у вас.

– Очень хорошо. Рад, что ваше вдохновение вернулось, как говорится, с новой силой и... – Судя по голосу, он радовался моим успехам так, словно я был хирургом, оперирующим его жену или ребенка. От этой елейности мне стало противно.

– Теперь ваша очередь держать слово, – оборвал его я.

– Я помню, – уже без радости в голосе сообщил он, – как только переговорю с шефом, я позвоню.

– Я буду ждать.

Он позвонил где-то через час.

– Боюсь, у меня для вас плохие новости, – сказал он.

У меня внутри все сжалось.

– Она жива? – выдавил я из себя.

Она жива, стабильна. Ее жизни ничего не угрожает.

– Что с ней?

– Попала в ДТП. Лежит в больнице.

– Я могу ее увидеть?

– Нет, в эту больницу у вас нет допуска.

– Позвонить?

– Как только она придет в себя и врачи разрешат ей говорить по телефону.

– Я могу ей чем-нибудь помочь?

– Своей работой. Чем лучше вы будете работать, тем более ценным она будет кадром. Вы понимаете?

– Я понимаю. Я буду делать все, что нужно, но вы... держите меня в курсе.

– Хорошо.

– Будь ты проклята!!! – крикнул я книге, когда закончился разговор. Если бы я мог, я бы сделал все, чтобы ее уничтожить. Но кроме моего бессилия и необходимости делать все, что нужно этой проклятой книге и парням с той стороны телефона, у меня не было ничего. По крайней мере, так я думал тогда.

Новая Глава

– Я обожала играть на чердаке у бабы Дуси, битком набитом старыми чемоданами, – рассказывала по телефону Алина. – Мы были уверены, что среди этих старинных, еще времен карибских пиратов чемоданов была спрятана карта, та самая карта. Мы целыми днями перетаскивали чемоданы с места на место, по несколько раз, миллиметр за миллиметром, обшаривали их изнутри. Отсутствие карты только еще больше подзадоривало нас – ведь если она была так хорошо спрятана, значит, то, что на ней было начертано, стоило того. Кто ж станет ТАК прятать карту, если на ней ничего нет? Не найдя ничего в самих чемоданах, мы принялись разрывать их на мельчайшие лоскутки, и вскоре выпотрошили их в буквальном смысле слова. Мы надрезали ножом старый дерматин, и дальше рвали его руками, чтобы не повредить ножом карту. Это нас и спасло от возмездия. Вскоре после того, как был растерзан последний чемодан, бабе Дусе пришло в голову поехать к своей сестре, и баба Дуся, охая и кряхтя, полезла на чердак. Мы уже приготовились к неминуемому возмездию, но она решила, что это были крысы, и нам запретили играть на чердаке, к которому мы и так уже охладели – к тому времени мы уже знали, что карта спрятана не там.

Алина все еще оставалась в больнице, причем я даже не знал, в какой точке света эта больница находится. Она по-

правлялась, медленно, но поправлялась. Мы существовали с ней словно в разных мирах, и единственным мостом между нами, (какая пошленькая получается фраза), был ежедневный сорокаминутный телефонный разговор. Так обстоятельства заставили нас прибегнуть к словам. Обычно мы понимали друг друга практически без слов. Чувства передавались при помощи взгляда, прикосновений ласок... Слова нужны были лишь затем, чтобы обмениваться информацией, и вот теперь всем, что у нас осталось, был модулированный двусторонний поток слов. При этом нам было совершенно все равно о чем говорить. Намного важнее было слышать голос, ощущать пусть иллюзорное, но присутствие родного человека. Поэтому мы говорили обо всем. Особенно нас спасали различные воспоминания.

– У меня тоже был прикол, – решил я поделиться с ней забавным эпизодом, произошедшим со мной на улице.

Выйдя из библиотеки, я решил немного пройтись по «Пушкинской», благо погода располагала к прогулке. Был теплый, приятный день, один из тех, когда сидение дома должно рассматриваться, как преступление. Я с завистью поглядывал на целующиеся парочки, смотрел на тротуар в поисках мелочи, – это было что-то вроде игры в удачу, – разглядывал проходящих мимо красивых женщин.

На одной из лавочек сидела компания довольно приличных с виду людей. Когда я поравнялся с ними, с лавочки встала женщина чуть на вид старше сорока лет, решитель-

ным шагом подошла ко мне и преградила мне путь.

– Я просто хочу посмотреть в твои сволочные глаза, – сказала она, затем сорвалась на крик.

Она кричала, что я полностью уничтожил ее жизнь, сломал ее судьбу, что я – сволочь, гад, убийца... Она бы кричала еще и еще, но с лавочки поднялись двое мужчин и поспешили к нам. Странно, но в их глазах я увидел граничащий с ужасом страх. Перед тем, как они оттащили ее от меня, она плюнула мне в лицо. Я быстро пошел дальше. Она же кричала уже своим приятелям или знакомым:

– Ну и пусть! Пусть! Пусть эта сволочь знает! Ну и что? Мне терять нечего.

И самым несуразным здесь было то, что, я готов в этом поклясться, она не была ни пьяной, ни сумасшедшей. Ее истерика была истерикой человека, перенесшего страдания и боль, вот только я даже представить себе не мог, каким образом ее несчастья могли быть связаны со мной.

Разумеется, Алине я подал эту историю как ничего не значащий забавный инцидент, но она отнеслась к моим словам более чем серьезно.

– Ты уже сообщил об этом Олегу? – спросила она, перейдя на холодный, деловой тон.

– Нет, а зачем?

– Затем, что это серьезно.

– Да ладно тебе. Какая-то пьяная дура перепутала меня с кем-то другим. Я и тебе рассказал это исключительно ради

забавы.

– Послушай меня внимательно. То, чем ты занимаешься, достаточно серьезно, хоть ты этого так и не смог понять. Поэтому никаких мелочей, никаких случайностей. Ты должен докладывать обо всем, обо всех нештатных ситуациях, иначе может случиться непоправимое. Ты меня понял?

Меня так и подмывало спросить, чем же это таким я занимаюсь, но подобные вопросы лучше было не задавать. Особенно по телефону. Поэтому я коротко ответил:

– Понял.

– Тогда пообещай, что ты сейчас же позвонишь Олегу.

– Как только истекнут наши минуты, – поспешил сообщить я.

– Сейчас не время...

– Если ты бросишь трубку, я никому не буду звонить. Обещаю.

– Не будь дураком!

– Если бы я не был дураком, я бы не вляпался в этот мир теории заговора и тайных организаций.

Дальнейший разговор начал перерастать в ссору, поэтому мы «расстались» на десять минут раньше отведенного нам времени. Не желая усугублять положение дел, я позвонил Олегу, и тут же пожалел о том, что вообще затронул эту тему.

– Почему сразу не сообщил? – строго спросил он.

– Не думал, что это имеет значение. Я и Алине рассказал об этом исключительно, чтобы поднять настроение. И если

бы не она...

– О подобных вещах надо сообщать немедленно. Тебя что не проинструктировали?

– Меня никто ни о чем таком не инструктировал.

– М... Ладно, это наш просчет. Впредь всегда сообщай о чем-нибудь необычном, даже если это ничего не значащая ерунда. В нашем деле лучше перестраховаться, чем...

– Может, ты все-таки объяснишь, что происходит? – ситуация начала меня раздражать.

– Давай ты не будешь задавать подобных вопросов.

– Но ведь это касается непосредственно меня, – попытался я возразить.

– Это был наш просчет, но теперь мы берем ситуацию под контроль... Расскажи лучше со всеми подробностями, что там с тобой произошло.

Он заставил меня раз сто рассказать ему все от начала до конца в мельчайших деталях. Особенно его интересовала внешность спутников той женщины, вплоть до цвета глаз, о чем они до этого разговаривали... и так далее. Он хотел, чтобы я описал каждого из них, как Толстой описывал дуб Андрея Болконского. Вот только я не Толстой. Не Лев и даже не Алексей – не помню кто это сказал. Вымотав меня окончательно, Олег наконец-то сказал:

– Ты просто звони, если что. Хорошо?

– Хорошо, – устало согласился я.

Утром меня ждал сюрприз. Едва я сел завтракать, как за-

работал сигнал домофона.

– Мое имя – Владимир, – услышал я в ответ на мое: «Кто там?». – Я от Олега.

– Хорошо входите.

Владимир оказался немного худоватым мужчиной среднего роста с ничем не примечательной внешностью. Войдя в дом, он еще раз назвал свое имя и протянул руку.

– Чем могу помочь? – спросил я после рукопожатия.

– Я приставлен к вам с целью охраны вашей жизни и здоровья, – отрапортовал он.

– Кофе будете? – предложил я, несмотря на то, что меня буквально взбесил такой поворот событий. Я с детства терпеть не мог надсмотрщиков. Но злость не мешала мне понимать, что Владимир ни в чем не виноват.

Мое предложение он принял с удовольствием.

Я приготовил кофе, поставил на стол печенье, хлеб, масло, сыр.

– Только пожалуйста, не принимайте этот разговор на свой счет, – сказал я Владимиру, набирая номер Олега.

– Как скажете, – ответил он, приветливо улыбнувшись.

– Ну и что это за дела? – спросил я, услышав голос Олега.

– Руководство решило приставить к тебе охрану. Тебе не нравится Владимир? Пришлем другого.

– Мне не нравится, что вы лезете в мою жизнь, не считая нужным не то, что спросить, но даже поставить меня в известность.

– Владимир разве не поставил тебя в известность?

– Но я на ошейник и поводок согласия не давал.

– Ты преувеличиваешь.

– Не думаю. И если все настолько серьезно, я хочу знать, что мне угрожает.

– Владимир – специалист высшего класса. Так что можешь не сомневаться, с ним тебе ничего не угрожает.

– Знаешь что! – не выдержал я. – Либо ты сейчас мне все расскажешь, либо идите вы на хуй со своей работой! Я же в таком состоянии писать не могу!

Сказав это, я почувствовал, как страх отозвался спазмом в моем животе. Я понимал, что наглеть с этими людьми опасно для жизни, и тем не менее я уже второй раз за неделю шантажировал их своими кармическими надоями, – так я называл свое творчество.

Первой попыткой шантажа я выторговал ежедневные сорокаминутные разговоры с Алиной, – сначала мне хотели разрешить звонить ей лишь раз в неделю.

– Ладно, я кое-что тебе расскажу, – решил Олег. – Тебе не рассказывали, что случилось с Алиной?

– Нет.

– Так вот, она попала в аварию в совершенно исправной машине на совершенно пустой дороге. Просто разогналась и врезалась в бетонный столб. Сначала наши специалисты решили, что это была попытка суицида, но позже выяснили, что она не собиралась кончать с собой. Поэтому тебе так

долго и не давали добро на контакт с ней. А если это связано с тобой? Поэтому мы и хотим обеспечить твою безопасность, пока не узнаем, в чем здесь дело.

– Пойми, я просто хочу хорошо делать свою работу, а для этого требуется определенное душевное состояние...

– Мы понимаем, мы все это хорошо понимаем.

– Тогда постарайтесь придумать другой способ обезопасить меня. Тем более, раз Алина непонятно зачем врезалась в столб, ваш Владимир вполне может без видимых причин всадить в меня пару пуль.

– Ладно, я позвоню.

– Вы не будете против, если я осмотрю двор? – спросил Владимир, когда я закончил разговор с Олегом. Судя по его виду, он никак не реагировал на наш разговор с Олегом, словно не услышал ни единого слова.

– Вы только не принимайте мои слова на свой счет. Просто я... – краснея, как не знаю кто, начал я, но он не стал выслушивать мои оправдания.

– Я понимаю, – сказал он и улыбнулся так, словно действительно понимал, хотя, скорее всего, ему было просто глубоко плевать как на меня, так и на мое к чему бы то ни было отношение, – так можно я осмотрю двор?

– Да, конечно... Разумеется.

Он вышел во двор, а я погрузился в рефлексиию.

Давненько я так остро не чувствовал себя идиотом. Ненавижу идиотизм, ни чужой, ни особенно свой. Наверно, по-

этому я стараюсь много не пить, чтобы потом не было мучительно больно. Нет, под градусом я не буяню, да и ничего такого не творю, по крайней мере, уже после окончания института, но все равно... При этом я понимаю, что моя щепетильность есть не более, чем появления чувства собственной важности, чувства, которое является своего рода кнопкой, при помощи которой можно мной управлять. Но, тем не менее, хуже, чем острое понимание собственного идиотизма (к хроническому я уже привык) для меня есть только одна вещь: чувство собственной беспомощности.

Впервые я столкнулся с этим чувство в раннем детстве. У нас были гости. Папа напился и начал всех крыть матом. Мама попыталась его вразумить, но он чуть не кинулся на нее в драку. Тогда один из гостей взялся его уложить спать. Он схватил папу за шкуру и чуть ли не волоком притащил в спальню родителей. Потом несколькими ударами по лицу уложил папу в кровать. Бил он отца не сильно. Даже не бил, а скорее, толкал открытой рукой. Но сколько в этих толчках было презрения!

Я же смотрел на это и разрывался между жалостью к отцу, жалостью к матери, она плакала, потому что папа ее обидел, желанием, что бы все это как можно быстрее закончилось, а еще лучше никогда больше не начиналось, и чувством собственной беспомощности, неспособности хоть что-либо в этом изменить.

В тот день впервые рухнул мой мир. Конечно, потом он

рушился еще и еще, но я ни разу больше не переживал крушение мира так остро, как тогда.

Сейчас же, как писал когда-то Ленин, я был винтиком или шпунтиком в некоем механизме, устройстве, назначении и принципе работы которого мне были неизвестны. Я был как балка или вал из задачи по сопромату или теоретической механики, предметом, на который действует энное количество сил, причем для тех, кто стоял за этими силами я, лично я, был ничем и никем. Их интересовала только польза, которую я все еще приносил. Всем им я был нужен исключительно до тех пор, пока использование меня было целесообразней замены другим шпунтиком или винтиком. Да что далеко ходить, даже Алина рассматривала меня прежде всего как ценного работника, а уж потом как мужчину в своей постели. Я это понимал, и понимание этого сводило меня с ума. Наверно поэтому я и взбесился, когда ко мне приставили охрану. Другой бы на моем месте только был бы рад, а я... Сколько я ни старался, ни одного более или менее правдоподобного оправдания моему поведению в голову не приходило. Ну и хрен с ним, – решил я, – все равно уже ничего не изменишь, а раз так...

Чтобы хоть немного справиться с терзавшими меня эмоциями, я решил выплеснуть их на электронный аналог бумаги. Получились «Огненные волшебники»:

Мне не было и пяти, когда наша семья совершила насто-

ящее путешествие, переехав в большой, красивый дом (мне он тогда вообще показался настоящим замком) в другом городе в другой стране. Едва мы устроились, как мама, которая раньше всегда сидела со мной дома, начала регулярно ходить на службу, где задерживалась иногда на несколько дней. Будучи настоящим маменькиным сынком, я превращал каждую ее задержку на службе в настоящую трагедию. Я забирался в постель, накрывался с головой одеялом и плакал в подушку, пока мама не возвращалась домой. Я отказывался есть, пить, играть...

Родители пытались мне объяснять, что идет война, что они – офицеры, что мама на службе, и не может всегда быть со мной. Но какое мне было дело до их объяснений! Это сейчас я представляю, с каким сердцем мама задерживалась на службе!

Отец тогда тоже становился чернее тучи. Он очень любил меня, и мои слезы были для него настоящим ножом в сердце. Я больше чем уверен, что он все бы отдал, лишь бы я перестал плакать, но он был не в силах что-либо изменить в этой ситуации, и это чувство беспомощности, неспособности помочь любимому человеку, любимому маленькому сынишке поистине его убивало.

И вот однажды он нашел выход. Был вечер или даже ночь, по крайней мере, на улице было темно. Мама была на службе, а я, как обычно, плакал, уткнувшись лицом в подушку. Отец тогда силой вытащил меня из-под одеяла. Он взял ме-

ня на руки и отнес к окну, которое выходило на огромный пустырь.

– Смотри внимательно, – сказал он, – сейчас ты увидишь чудо.

И точно, стоило ему это сказать, как за окном из темноты появился огненный человечек, который забавно плясал какое-то время, а потом вновь исчез в темноте. Это чудо настолько меня потрясло, что я забыл о своих слезах.

– Что это было? – спросил я отца.

Отец объяснил, что это был добрый волшебник и повелитель огня. Узнав, как сильно я люблю маму, он пришел к нам под окна и специально для меня исполнил свой волшебный танец.

– А еще он придет? – с замиранием сердца спросил я.

– Придет, если ты будешь мужественным мальчиком, перестанешь рыдать, когда мамы нет дома, начнешь хорошо есть и играть.

– Я буду мужественным мальчиком, – пообещал я.

С тех пор каждый раз, когда мама задерживалась на службе, ко мне приходил огненный волшебник. Иногда он приходил с друзьями, и тогда они все вместе плясали свои забавные танцы. Я был счастлив, и вместе со мной был счастлив отец, мой самый сильный, самый умный, самый добрый и самый любящий отец, настолько самый-самый, что с ним дружили даже настоящие волшебники и повелители огня. Отец не просил меня об этом, но я никому не рассказывал об ог-

ненных волшебниках, считая дружбу с ними нашей с отцом тайной.

Потом к нам пришли какие-то люди и сказали, что мама погибла во время бомбежки, а вскоре отец попал в плен, и его расстреляли. Меня определили в какой-то приют, где мне доставалось как от воспитателей, так и от детей. Жизнь моя превратилась в ад, но когда мне становилось совсем плохо, я вспоминал моего самого лучшего в мире отца и огненных волшебников, и эта тайна придавала мне новые силы для преодоления всех невзгод.

Именно огненные волшебники и память об отце помогли мне тогда выжить и сохранить себя как личность, как человека. В память о родителях я тоже стал офицером, и уже в армии узнал, кем были эти огненные волшебники на самом деле. Я вновь увидел этот танец после того, как по засевшим в доме врагам ударили из огнемета...

Не знаю, были те люди пленными, или же их просто ловили на улице (отец тогда был комендантом оккупированного города). Их приводили на тот пустырь, обливали бензином и поджигали. Я же смотрел на их агонию, как на веселый волшебный танец.

К тому моменту, когда позвонил Олег, я уже готов был согласиться с любым предложенным мне вариантом.

– Я поговорил с руководством, – сообщил он.

– И что? – спросил я.

– Шеф долго не мог понять, почему тебе не нравится личная охрана, но я ему сказал, что творческие люди все с прибабахом. Тогда он сказал: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не беременело», – и дал добро на компромиссный вариант. В общем, мы решили, что ты сам сможешь о себе позаботиться. Пройдешь небольшой ликбез, получишь оружие. Ну а до тех пор тебе придется потерпеть общество Владимира, ну или кого-либо еще, если он тебе неприятен.

– Нет, так он меня вполне устраивает, ну а о его профессионализме я судить не могу.

– С профессионализмом у него все в порядке, за это можешь быть спокоен. Ну так что, такой вариант тебя устраивает?

– Более чем.

– Вот и славненько.

– Я вообще не знаю, что на меня нашло.

– Я так думаю, это мы во всем виноваты. Надо было сразу тебе объяснить, что мы не хотим, чтобы ты пострадал от каких-нибудь хулиганов. Не учли, что ты – личность творческая, и фантазия у тебя тоже творческая. Ну а лучшей почвы для воображения, чем полужнание быть не может. Ну да не мне это тебе объяснять.

– Ну а как же Алина?

– С Алиной тоже теперь все в порядке. Мы думали, что она сама повернула к столбу, а потом техники обнаружили неполадку с рулевым управлением.

Это объяснение позвучало столь же правдоподобно, как и любая другая официальная версия, но я не стал демонстрировать свои сомнения. Интуиция говорила мне, что я уже исчерпал свой лимит стержовности, а страх перед руководством требовал согласия с интуицией.

Вскоре вернулся в дом Владимир.

– Как я понимаю, вы уже в курсе моего назначения, – скорее сообщил, чем спросил он.

– Да, мы с Олегом все решили.

– И, как я понимаю, против такого поворота событий вы не возражаете?

– Ничуть. Когда мы можем начать подготовку?

– Все зависит от вас. Работа прежде всего. Так что в любое свободное от ваших основных дел время.

– Если честно, мне сейчас нужно проветрить мозги.

– Могу предложить занятие по огневой подготовке. Хотите пострелять?

– С удовольствием. Особенно если на свежем воздухе.

– Тогда собирайтесь.

Упрашивать меня не пришлось, и минут через десять мы уже садились в его «Мазду», а еще через десять минут въезжали в ворота воинской части, расположенной в Мухиной балке. Вот чем мне прежде всего нравится Аксай, так это тем, что в любую его точку можно легко добраться пешком и доехать в считанные минуты, не увидев ни единой пробки. Похоже, расположение части Владимир знал, как собствен-

ную квартиру, по крайней мере по дороге на стрельбище мы ни разу не сбились с пути.

– Стреляли когда-нибудь? – спросил он, когда мы прибыли на место.

– Из пистолета один раз на военных сборах. Ни разу не попал в мишень.

– Ничего, скоро будете стрелять, как Джеймс Бонд. Держите.

Он протянул мне, пистолет держа его за ствол. Взяв пистолет, я почувствовал ту смесь из страха и почтения, которую у меня всегда вызывало оружие.

Первая же пуля попала прямо в десятку, остальные легли на границе между черным кругом и молоком. Я стрелял до тех пор, пока мишень не начала расплываться перед глазами.

– Ну как? – поинтересовался Владимир.

– Давно не чувствовал себя таким счастливым! – признался я.

Я словно вернулся в те годы, когда носился по Аксаю с рогаткой. Тогда у женщин были в моде белые штаны и мы стреляли по ним из засады помидорами, стараясь попасть как можно ближе к промежности. Помидоры мы воровали в огородах в частном секторе. Адреналин тогда лился рекой.

Уже дома Владимир заставил меня разобрать, почистить и собрать пистолет.

– Оружие, как женщины, хочешь, чтобы оно тебе было верно – не забывайте за ним ухаживать, – напутствовал он.

Новая Глава

Есть вещи, вся сложность которых заключается в их простоте. Это как петь романс: вроде бы нет ничего сложного, однако только единицы способны исполнять романсы так, что слушаешь и веришь каждому произнесенному слову. Остальные же либо любят собственные голоса, либо выводят ноты, а не так давно показывали парочку совершенно безголосых эстрадных звезд, исполняющих «Я тебя никогда не забуду», так они выглядели еще более убого, чем какая-нибудь гордость отечественного автопрома рядом с «Фольксвагеном» или «Тойотой». Неужели люди не понимают, насколько убого они смотрятся на фоне оригинала? Или им на это насрать? Ну да это их личное дело. Если находятся идиоты, готовые за это платить, то почему бы не избавить их от лишних денег?

Трудность исполнения моего очередного заказа состояла в его предельной простоте. Сюжетный лабиринт выглядел проще анатомического строения червя. Притязания заказчика тоже были вполне земными и выполнимыми, но как только я начинал прописывать сюжет, все, а особенно диалоги получались такими же дебильно-пластмассовыми, как в классических мыльных операх.

Конечно, можно было отдать заказчику и такую вот муть или отказаться от заказа под предлогом того, что данная за-

дача является не решаемой, но только моя профессиональная гордость что ли требовала от меня выполнять работу самым наилучшим способом. К тому же я всегда был человеком упертым даже там, где без этого вполне можно было бы обойтись.

Так на самом первом моем компьютере, купил я его с рук, была установлена игрушка, стратегия «Под покровом ночи». Я настолько увлекся этой игрой, что начал даже вскакивать по ночам, чтобы опробовать пришедший в голову вариант решения поставленной задачи. Когда же я понял, что становлюсь в своем параноидальном стремлении пройти эту игру любой ценой, похожим на наркомана, озабоченного только очередной дозой, я попросту удалил с компьютера вообще все игры, и с тех пор у меня нет ни одной игры.

Вот только заказ этот не был игрой, и так просто удалить его я не мог. К тому же отказ от заказа стал бы признанием своей профессиональной несостоятельности, а это для меня было смертельно опасно. Поэтому, когда Владимир войдя в комнату, попытался мне что-то сказать, я раздраженно махнул рукой, дескать, не до тебя.

– Я не надолго, – сказал он и вышел.

Обложив его мысленно матом, я вернулся к работе.

– Можно?

Этот вопрос заставил меня мгновенно забыть не только о работе, но и вообще обо всем на свете.

Алина!!! Она стояла на пороге комнаты, не решаясь вой-

ти. В ее глазах были растерянность и вопрос. Она была словно котятка из «Кошкиного дома». Помните?

Тетя-тетя кошка, выгляни в окошко.

Есть хотят котятка, ты живешь богато.

Вскочив на ноги, я чуть было не опрокинул стол вместе с ноутбуком.

– Алина!

Я бросился к ней.

– Осторожно! – предупредила она.

– Алина, Алиночка, девочка моя, солнышко, мракоту-сенька, лапочка, девочка...

Я шептал лирическую пошлятину, целовал ее лицо, руки, шею... Я обнимал ее, не забывая о том, что с ней теперь надо быть осторожным, чтобы не причинить боль...

Я был настолько счастлив видеть ее, что не сразу заметил слезы на ее щеках.

– Ты плачешь?

– Нет, милый... все нормально... теперь уже все хорошо...

– Что с тобой, девочка?

– Ничего...

И только после целого миллиона отнекиваний Алина призналась:

– Я боялась, что такая не буду тебе нужна.

– Какая же ты дурочка, – ласково прошептал я, а потом опустился перед ней на колени и поцеловал носы ее боти-

нок, – я люблю тебя.

Она села на пол рядом со мной, прижалась ко мне...

– Я тоже тебя люблю.

– Скажи только честно, теперь я сильно некрасивая? – спросила она чуть позже.

Она действительно заметно поплохела. Через правую щеку у нее теперь проходил красный рубец, делавший ее похожей на предводительницу пиратов. Она исхудала, и в теле появилась какая-то диспропорция. Не красила ее и дурацкая шапочка на голове, которую она натянула чуть ли не по самые глаза. Но для меня, для моих чувств это было не важно. Я продолжал бы ее любить, даже если бы она стала в тысячу раз страшней.

– Ну так что?

Врать я ей не хотел, говорить правду тем более, поэтому я ответил затяжным поцелуем.

– Не уходи от ответа.

Я поцеловал ее еще раз.

– А так? – спросила она, осмелев настолько, чтобы снять шапку. Ее наголо остриженная голова была вся покрыта шрамами.

– Так ты похожа на кошачьего вожака, – ответил я, целуя ее в глаза.

– А ты похож на барбоса.

Точнее не скажешь. За то время, пока Алина лежала в больнице, я действительно обарбосился сильнее, чем сбе-

жавшая из дома болонка. Не знаю, хорошо это или плохо, но я начисто лишен кобелестического духа. Поэтому, когда Алина попала в больницу, я не стал носиться по городу в поисках баб, как это делает большая половина моих женатых друзей, стоит им только хоть не надолго сорваться с цепи. Я работал, учился стрелять, изучал старинные книги... А так как мои занятия не требовали наличия правильного экстерьера, я себя малость запустил. Я был неделю небрит. Мои волосы не только недели две как мечтали о парикмахерской, но и не видели ни разу расческу с тех пор, как год назад я обрезал свою косичку. На мне была заляпанная чаем футболка и спортивные штаны с по-советски оттянутыми коленками.

Алина отправилась в ванную, «смыть с себя больничный дух», а я наскоро побрился, переделся и принялся варить кофе.

Когда заметно повеселевшая Алина вышла из ванной в своем любимом халате и тапочках, кофе уже был на столе. Я пригласил Владимира к столу, но он тактично отказался, решив, что вдвоем нам будет лучше. Нельзя сказать, что он был неправ.

– Вот по чему я действительно соскучилась, так это по твоему кофе. Наверно даже больше, чем по тебе, – сказала Алина, сделав глоток и зажмурившись от удовольствия.

Кофе у меня действительно был хороший. Я покупал кофе йеменский зерновой по 800 рублей за 250 грамм. Да и клал я его не жалея. Варил же я его только в турке, – электриче-

ские кофеварки – это кофейные убийцы. Вода у меня была особая, с каких-то гор. Я ее брал у друзей из чайного клуба. Стоила она слишком дешево, чтобы из-за этого врать, а на вкус была просто великолепной. Правда я своего кофе мог выпить не больше одной чашки в день, ну так зачем лакать его ведрами?

Выпив кофе, мы, не сговариваясь, встали из-за стола и пошли в спальню. Скинув халат, Алина сразу же юркнула под одеяло. Я присоединился к ней несколько позже.

Вот только никакой постельной сцены у нас тогда не было. Едва я оказался под одеялом, Алина прижалась ко мне, положив голову мне на плечо, и замерла в этой позе. Так мы и лежали. Она была неподвижной, а я гладил ее по ежику на голове. Я лежал рядом и чувствовал, как некое опустевшее за время ее отсутствия пространство постепенно наполняется чем-то прекрасным, исходящим от Алины. Наполнившись, я отключился, улетев в те просторы, по которым гуляет нирвана.

Вернувшись из этого райского небытия, я нашел губами губы Алины. Она ответила на мой поцелуй. И только после этого я почувствовал, как во мне просыпается сексуальная страсть.

А потом, после того, как у нас уже все получилось, ее словно прорвало.

– Тебе рассказали, как это произошло? – спросила она. Во время телефонных разговоров мы эту тему почему-то не

трогали.

– Олег держал меня в курсе.

– Отказ рулевого управления?

– Ага.

– И ты поверил?

– Нет.

– И правильно, что не поверил. В меня словно кто-то вселился. Как в кино. Я все понимала, но ничего не могла сделать, и когда этот кто-то направил машину в столб...

– Ты им сказала?

– Нет. Они и без этого чуть не уpekли меня в психушку. Решили, что я решила покончить с собой. Вот только ни хрена у них не вышло это доказать.

– И тогда они выдвинули версию о неисправном рулевом управлении?

– Это они придумали для тебя. Меня же они тестировали на предмет какого-либо воздействия. Сейчас полно всяких там генераторов, которые сводят с ума.

– И что?

– Ничего. Я же как вспомню... – ее передернуло. – Я словно бы сошла с ума, вот только я не сумасшедшая. Я, блядь, не сумасшедшая.

Она посмотрела на меня так, будто мой вердикт мог решить все.

– Нет, милая, ты не сошла с ума. Я знаю. Просто ты... – я осекся. Мне словно бы кто-то сказал, что если она узнает

про Книгу, она умрет. Вовремя заткнувшись, я прижал ее к себе и принялся целовать...

Постепенно жизнь начала возвращаться в привычное русло. У меня даже появилась своего рода пародия на распорядок дня. Я просыпался, завтракал с Алиной, работал над заказом, потом ехал в библиотеку, обедал в «Балкане» или «Кофемолке», возвращался в Аксай, медитировал минут тридцать-сорок, ехал на стрельбище, вернувшись, ужинал с Алиной, после чего мы шли гулять.

Алине тоже скучать было некогда. Позавтракав со мной, она отправлялась в пыточную, где над ней издевались инструкторы йоги, мастера лечебной гимнастики, массажисты, физиотерапевты, пластические хирурги... Благодаря этому титаническому труду ей хоть и медленно, но становилось лучше, а от шрама на щеке остался небольшой след, который со временем должен был практически исчезнуть. Как и я, домой она возвращалась только к ужину, после которого мы шли гулять.

Мы бродили по улицам Аксая, как какая-нибудь парочка из советских романов. Алина еще прихрамывала, и я поддерживал ее на ступеньках или на участках повышенной травматизации, которые имеются практически на каждом аксайском тротуаре. Мы бродили по улицам Аксая, предпочитая частный сектор в сухую погоду и асфальт в грязь, разговаривали ни о чем или просто молчали. Молчалось с Алиной великолепно, а для меня хорошо молчать намного важнее,

чем хорошо болтать.

Владимир тоже гулял с нами. Он шел чуть позади, чтобы не мешать нам ворковать. Похоже, эта часть работы ему нравилась.

Один-два раза в неделю мы встречались с моими друзьями. Принимали у себя, ходили в гости или в кафе. Алина же словно жила на необитаемом острове – к ней ни разу не то что никто не пришел, ни разу не позвонили просто так, не по работе.

Я уже сто раз успел пожалеть, что так поспешно отказался от услуг Владимира. Он имел прекрасное качество, наверное лучшее из тех, что бывают у других людей: Когда он был лишним или же попросту в нем не нуждались, Владимир даже не показывался на глаза, но стоило о нем хотя бы просто подумать, и вот он уже в пределах видимости. К тому же в его машине можно было не пристегиваться, что было хоть и мелочью, но мелочью приятной. Когда нас останавливали менты, он совал им под нос свое удостоверение, после этого они вытягивались по стойке смирно и брали под козырек. А так как я нас ни разу не останавливал, то мне он свое удостоверение не показывал и вообще ничего не рассказывал о себе. Так что мое досье на него содержало:

- описание словесного портрета;
- имя, возможно, не настоящее;
- информацию о том, что он работает на них при абсолютном неведении, кто такие они;

– информацию о том, что у него есть государственный документ;

– информацию о том, что он – специалист по охране, оружие и прочим военным штучкам.

Не густо? Ну да меня это вполне устраивало, лишь бы он был за меня, а не против.

Незаметно подошло время Владимиру складывать с себя полномочия по моей охране. Я собирался приступить к медитации, когда он, предварительно постучав и получив мое «войдите» вошел в мою комнату.

– Виталий Сергеевич, сегодня стрельбы отменяются, – сообщил он.

– Что случилось? – удивленно спросил я. Мы еще ни разу не отменяли стрельбу, так что у меня даже мысли не могло появиться, что такое возможно.

– Все, – ответил он.

– Что все? – окончательно растерялся я.

– Время вашей подготовки подошло к концу. Мне осталось повести последний инструктаж, выдать вам оружие и документы, и все.

От этих его слов мне стало грустно.

– Приступим? – спросил он, оставшись, как всегда, равнодушным к моему настроению.

– Давайте, – согласился я.

– Тогда держите, – он достал из кармана похожий на пульт управления автомобильной сигнализацией и центральным

замком брелок и протянул его мне. – Это – тревожная кнопка. Как только вы почувствуете, что вам может угрожать опасность, просто нажмите на эту кнопку. Одновременно с маячком на пульте диспетчера включится микрофон, и мы будем не только знать, где вы находитесь, но и слышать, что происходит вокруг вас. Главное, не бойтесь показаться трусом, и при первых же сомнениях в своей безопасности, будь то приближение пьяных подростков или перегоревшая лампочка в фонаре на улице, жмите, не задумываясь. В нашем деле перестраховка со стороны клиента приветствуется всегда. В случае ложного вызова вам достаточно просто позвонить по телефону диспетчеру и сказать, что все в порядке. Ну а чтобы мы были уверены, что с вами действительно все в порядке, а не кто-то вас заставляет это сказать, вам нужно будет сказать кодовое слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.